

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Н.Н. Глубоковский

**Благовестие
св. Апостола Павла и теософия
Филона Александрийского**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1901. № 4. С. 563-603.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

БЛАГОВѢСТІЕ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

И ТЕОСОФІЯ ФИЛОНА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО ¹⁾).

ПРИ подобномъ ограниченіи свобода гипотетическихъ покушеній на содержаніе апостольской проповѣди суживается до крайнихъ предѣловъ, — и въ этомъ притягательная сила изложеннаго пониманія. Однако необходимо согласиться, что апологетическій успѣхъ далеко не рѣшителенъ. Здѣсь не только не отрицается, но скорѣе категорически провозглашается субъективная призрачность аллегоріи Павловой, а чрезъ это подчеркивается ея генетическая близость къ филонизму. Консервативные авторы подаютъ руку критическимъ и тѣмъ самымъ подкрѣпляютъ послѣднихъ въ дальнѣйшихъ сопоставленіяхъ желательнаго имъ свойства. Извиненіе переходитъ въ уступку, которая заранѣе гарантируетъ наружную вѣроятность всякимъ тенденціознымъ выводамъ. Съ другой стороны и достаточное историческое правдоподобіе анализируемаго изъясненія само по себѣ ничуть не свидѣтельствуетъ о его фактической несомнѣнности. Допустимъ, что матерія была намѣчена врагами, и злоупотребленіемъ ихъ обуславливалось направленіе мысли апостольской. Но этимъ еще вовсе не опредѣляется собственный взглядъ св. Павла, будто онъ смотрѣлъ на предметъ чужими глазами, а видѣлъ свое. Въ этомъ отношеніи и реальные мотивы для аллегоріи и ея іудаистическіе антиподы совершенно не затрогиваютъ вопроса, гдѣ намъ требуется раскрыть личный взглядъ на дѣло самого благовѣстника. Что же мы находимъ въ текстѣ для достиженія этой задачи?

¹⁾ См. мартовскую кн. «Христ. Чтенія» за 1900 г.

Апостолъ спрашиваетъ Галатійцевъ (IV, 21), неужели ли они „не слушаютъ закона“ (τὸν νόμον οὐκ ἀκούετε). Эта фраза относится обыкновенно къ синагогальнымъ чтеніямъ каждую субботу (Дѣян. XV, 21), когда — при пособіи гомилетическихъ назиданій — всѣмъ открывалось удобство усвоить содержаніе писаннаго ветхозавѣтнаго слова. Фактически это, пожалуй, безпорно, и дальше необходимо только выяснитъ собственную силу апостольской аппелляціи. Ее понимаютъ въ томъ же смыслѣ, что здѣсь просто обращается вниманіе галатійскихъ христіанъ на извѣстный имъ библейскій рассказъ, дабы освѣтитъ его съ новой точки зрѣнія. Въ такомъ случаѣ послѣдующая рѣчь будетъ гомилетическимъ толкованіемъ¹³⁷⁾, не претендующимъ на объективную состоятельность. Это есть свободная педагогическая метафора, и въ ней позволителенъ вольный аллегоризмъ раввинскаго или александрійскаго типа. Достоинство всего отдѣла принижается до уровня увѣщательной параболы, для которой абсолютно безразлична подлинная истина книгъ Моисеевыхъ. Дорого лишь ближайшее намѣреніе, и ради него писатель не заботится о буквѣ, частію забываетъ ее и больше подавляетъ въ своихъ отвлеченныхъ пареніяхъ.

Намъ думается, что во всемъ этомъ повинны сами экзегеты. Если согласиться съ ними, то получится развѣ обидно-плоское замѣчаніе, что доселѣ чуть не всѣ Галаты были глухи, и св. Павелъ побуждаетъ ихъ воспользоваться своими ушами. Очевидно, важность не во внѣшнемъ воспріятіи звуковъ, а въ примѣненіи всего ихъ содержанія къ религіозному сознанію и нравственной настроенности¹³⁸⁾. И грамматическій оттѣнокъ сочетанія съ *accus.* выражаетъ внутреннее проникновеніе осмысленнаго убѣжденія, между тѣмъ *genit.* примирялся бы и съ простымъ слышаніемъ¹³⁹⁾. Однако и это не все.

¹³⁷⁾ Prof. John Massie, Art. «Allegory» въ A Dictionary of the Bible ed. by J. Hastings II (Edinburgh 1898), p. 65b.

¹³⁸⁾ Cp. Me. X, 14. Лк. XVI, 29. 31 и см. у late Bishop J. B. Lightfoot, Saint Paul's Epistle to the Galatians (London 1890), p. 179, и у Bishop Charles J. Ellicott, St. Paul's Epistle to the Galatians (London 1888) p. 94—95.

¹³⁹⁾ См. G. B. Winer's Grammatik des neutestamentlichen Sprachidioms, siebente Auflage von Prof. Dr. Gottlieb Lünemann (Lpzg 1867), S. 187—188 (§ 30, 7c). Prof. Friedrich Blass, Grammatik des Neutestamentlichen Griechisch (Göttingen 1896), S. 101—102 (§ 36, 5).

Библейская исторія касательно Агари столь не сложна, что доступна даже ребенку. Посему объ этомъ не было надобности трактовать серьезно при такихъ критическихъ сплетеніяхъ, колебавшихъ весь апостольскій подвигъ. Значить, требуется нѣчто большее теоретическаго пониманія, которое часто сопровождается холоднымъ безучастіемъ. Напротивъ, нужна активная покорность усвоенному, чтобы оно стало направляющимъ факторомъ жизненнаго поведенія и регулировало человѣческія дѣйствія своею энергіей. Эта идея отчетливо подчеркивается всѣмъ тономъ воззванія. Въ немъ благовѣстникъ говоритъ къ тѣмъ, которые „желаютъ быть подъ закономъ“ (*οἱ ὑπὸ νόμου θέλοντες εἶναι*). Эти люди не были чистыми созерцателями; они сами искали опредѣляющаго фактора для своего моральнаго устроенія и руководились волевыми мотивами. Естественно, что ихъ хотѣніе, не вызывавшееся принудительно, завершается осмысленнымъ подчиненіемъ подъ фѣрулу найденнаго—съ предоставленіемъ ему верховнаго распоряженія. Въ результатъ и оказалась рабская приниженность съ отказомъ отъ всякой личной инициативы. Затѣмъ неизбежно и неустранимо, что избранный властитель, не стѣсняемый протестомъ и косностію, начинаетъ функционировать съ исключительною независимостію и самъ творитъ всѣ формы. Тогда феноменальная являемость будетъ точнымъ оттискомъ своего агента и лишается собственной независимости. Тутъ нѣтъ самобытности, и все бытіе всецѣло создается господствующимъ вдохновителемъ. При этихъ условіяхъ религіозно-моральная жизнь Галатовъ пріобрѣтаетъ характеръ механическаго отраженія номистическихъ схемъ при скрупулезномъ закрѣпленіи ихъ въ практикѣ. Если же такъ, то здѣсь призрачность результата могла быть только въ непригодности деспотическаго регулятора, поелику все проистекаетъ изъ него съ необходимостію. Въ свою очередь это держится на излишнемъ преувеличеніи съ отведеніемъ неподобающей роли, при чемъ натуральная неспособность фатально влечетъ за собою болѣзненные аномаліи. Исцѣленіе возможно единственно путемъ правильной оцѣнки и соотвѣстнаго ей примѣненія. Ошибка Галатійцевъ коренилась въ невѣрности разумѣнія закона, который и обнаруживался уродливо вопреки своему существу. Въ такомъ случаѣ обязательно было разсѣять этотъ туманъ коварнаго обольщенія и освѣтить предметъ во всѣхъ его подлинныхъ очертаніяхъ,

чтобы онъ могъ производить свойственные плоды. Отсюда ясно прежде всего, что вопросъ идетъ о практическомъ вліяніи законничества въ сферѣ моральнаго христіанскаго возрастанія и затрогивается не по теоретическимъ интересамъ діалектической экзегетики. По этой причинѣ нельзя думать, будто Апостоль даетъ намъ лишь образецъ паренетическаго комментирования, которое не имѣетъ объективных намѣреній истиннаго истолкованія и въ своемъ значеніи исчерпывается частною проповѣдническою цѣлію. Скорѣе будетъ несомнѣннымъ обратное, поелику обрисовывается контрастъ здраваго ложному, при единственной значимости перваго ¹⁴⁰⁾. По силѣ этого и обоснованіе должно быть принципиальнымъ, утверждающимся на главнѣйшихъ качествахъ всего института, а не на вторичныхъ элементахъ его исторической бываемости или человѣческаго извращенія. И мы видимъ, что св. Павелъ проникаетъ въ самую глубину ветхозавѣтнаго номистическаго учрежденія, чтобы найти незыблемую опору для нормальнаго отношенія къ нему въ жизни благодатнаго возрожденія. Этимъ предрѣшается, что благовѣстника занимаетъ не буква письмени, поскольку все сводится къ фактическому дѣйствію, а оно всегда вызывается содержаніемъ слова книжнаго. И легко усмотрѣть эту идею въ самой конструкціи апостольскаго обращенія. Въ немъ бытіе подъ законническимъ давленіемъ сравнивается съ повиновеніемъ ему. Но замѣчательно, что при *νόμος* членъ встрѣчается лишь при вторичномъ его упоминаніи ради особеннаго ударенія. При этомъ фраза рельефно подчеркиваетъ, что рекомендуемый законъ есть именно тотъ самый, иго котораго уже грозило своею тяготой читателямъ ¹⁴¹⁾. Но понятно для всѣхъ, что практическій деспотизмъ создается не голыми формулами и вызывается активной энергіей одухотворяющаго ихъ виновника. Въ этомъ смыслѣ и Апостоль апеллируетъ, конечно,

¹⁴⁰⁾ Это сужденіе справедливо выражаетъ и *Hans Vollmer*, *Die Alttestamentlichen Citate bei Paulus*, S. 62.

¹⁴¹⁾ Вообще объ искусственномъ различеніи между *νόμος* и *ὁ νόμος* см. выше въ книгѣ I-й на стр. 310; во всякомъ случаѣ въ обоихъ обозначеніяхъ у св. Апостола Павла разумѣется законъ Моисеевъ, хотя бы безчленнымъ наименованіемъ и выдвигалась собственно его легалистическая сторона, общая всѣмъ юридическимъ нормамъ: такъ *Rev. Prof. James Denney*, Art. «Law (in New Testament)» въ *A Dictionary of the Bible* ed. J. Hastings III, p. 78a.

къ объективнымъ достоинствамъ и раскрываетъ ихъ реальные размѣры.

Въ результатѣ теперь оказывается, что благовѣстникъ трактуетъ о самомъ существѣ закона, и его рѣчь не слѣдуетъ принимать за свободную экзегетическую иллюстрацію, гдѣ дозволительны всякія искусственныя манеры гомилетическаго назиданія ¹⁴²). Мы обязаны вѣрить, что въ ней одинаково серьезны—догматически—и увѣщательныя намѣренія и матеріальные ресурсы и герменевтическія средства, когда обсуждаемый эпизодъ необходимо долженъ соответствовать величію намѣченной цѣли и способствовать ея неотразимому обезпеченію. Но у насъ говорится о принципиальномъ значеніи законничества, почему аргументація въ свою очередь имѣетъ убѣдительность характернѣйшаго опредѣленія. Сообщение объ Агари пріобрѣтаетъ свойства незыблемаго масштаба для всего номизма. Съ этой стороны всѣ внѣшніе мотивы вполне безразличны и напрасно привлекаются къ рѣшенію задачи. Возможно, что уже іудаисты старались утилизировать библейскую исторію и заставили св. Павла остановиться на ней. Тѣмъ не менѣе оппонентъ не просто подхватываетъ готовый фактъ, чтобы повернуть его по-своему и отразить грозный ударъ. Полемика и самозащита отходятъ на задній планъ, и ихъ властно вытѣсняетъ конструктивное истолкованіе спорнаго предмета. Тутъ опора положительная и объективная, которая—по мысли писателя—коренится въ самомъ наличномъ бытіи ¹⁴³). Его и нужно констатировать во всей реальной точности.

Эти соображенія свидѣлствуютъ, что въ дальнѣйшемъ будетъ сначала представленъ комментируемый фактъ, который потомъ и подвергнется строгому анализу. Поэтому ссылка (Гал. IV, 22) на записанное (въ Быт. XVI, 15. XXI, 3) отмѣчаетъ только источникъ, откуда заимствуется извѣстіе, и ничуть не говоритъ, будто вниманіе сосредоточивается на библейскомъ разсказѣ ¹⁴⁴). Онъ дорогъ не болѣе того, что служить авторитетнымъ поручителемъ истинности событія, и

¹⁴²) См. и Prof. Friedrich Sieffert, Der Brief an die Galater, neunte Auflage VII-й части Мейеровскаго «Kritisch-exegetischer Kommentar über das Neue Testament» (Göttingen 1899), S. 281.

¹⁴³) Ср. и Friedr. Sieffert, Der Brief an die Galater, 9-te Aufl., S. 281.

¹⁴⁴) См. и о. протоіерей П. И. Соколовъ, Исторія ветхозавѣтныхъ писаній въ христіанской Церкви отъ начала христіанства до Оригена включительно (Москва 1886), стрн. 41—42, гдѣ апостольское «не слу-

сверхъ сего совершенно неваженъ. И, дѣйствительно, св. Павелъ лишь кратко напоминаетъ его содержаніе и ограничивается извлеченіемъ главнѣйшаго. Все исчерпывается категорическою замѣткой, что у Авраама было два сына — одинъ отъ рабы-наложницы, другой отъ свободной или полноправной жены. Затѣмъ дается собственное поясненіе, что первый рожденъ „по плоти“, а второй „по обѣтованію“. Съ физической стороны это добавленіе частію плоская банальность, либо непостижимая странность, ибо въ обоихъ случаяхъ предполагается тождественный плотской актъ на всѣхъ стадіяхъ зачатія, плодоношенія и разрѣшенія. Мы не можемъ принять абсурднаго отрицанія повсюднаго опыта и неизбѣжно направляемся къ чему-то особенному, превосходящему осязательную прозу человѣческаго происхожденія. Оно вездѣ сходно и неизмѣнно по реальному теченію; разница допустима только касательно главенствующаго фактора, которымъ условливается это обычное явленіе. Въ этомъ именно и вся типичность въ судьбѣ Измаила и Исаака. Обращеніе праотца къ рабынѣ мотивировалось единственно желаніемъ потомства и сопровождалось успѣхомъ, благодаря физическимъ способностямъ (Быт. XVI, 1—5). Здѣсь все покоится на плотяности, изъ нея возникаетъ и ею увѣнчивается. Совсѣмъ не то по отношенію къ свободной. Тутъ всѣ физическія потенціальности тѣлеснаго организма устраняли всякія помышленія о дѣтяхъ, если еще прежде привлекается Агарь. По всему очевидно, что въ разсматриваемомъ примѣрѣ плоть не играла активной роли и не была созидающею силой естественнаго процесса. Онъ былъ вызванъ помимо ея и вопреки всѣмъ фактическимъ препонамъ. Слѣдовательно, дѣйствіе плотяности было вторичнымъ и обуславливалось опредѣляющимъ участіемъ высшаго начала, которое заставляетъ функционировать омертвѣвшія чресла и оживотворяетъ ихъ энергію плодотворности. Таково и было обѣтованіе Божіе, потому что Исаакъ родился лишь для его исполненія. Физическая сторона совершенно ступшевывается предъ этимъ верховенствомъ всемогнато вторженія, приносящаго съ собою и всѣ свои средства, какихъ у су-
пруговъ не было. Вся особенность событія полагается въ

шаєте» поясняется фразой: «не замѣчаете, что написано въ самомъ законѣ» съ усвоеніемъ св. Павлу внушенія, что «Моисеево сказаніе содержитъ въ себѣ нѣчто иное, чѣмъ что содержитъ буква».

преобладаніи разныхъ факторовъ и въ спеціальной ихъ комбинаціи съ заинтересованными лицами. Въ этомъ пунктѣ крайне знаменательно, что универсализмъ плотского начала связывается съ натуральнымъ рабствомъ, а обѣтованіе всецѣло принадлежитъ свободѣ. Этимъ объясняется весь историческій инцидентъ и тутъ же вся его характерность, почему она и обращаетъ все вниманіе.

Въ концѣ концовъ центръ тяжести всего происшествія указывается въ отмѣченномъ сдѣленіи. Тогда несомнѣнно, что въ послѣдующемъ будетъ разбираться данная черта, и это наблюденіе помогаетъ безошибочному уразумѣнію апостольскихъ словъ. Они открываются (въ Гал. IV, 23) категорическою формулой: ἀτινά ἐστιν ἀλληγορούμενα съ предупрежденіемъ, что теперь фактическія детали получаютъ духовное истолкованіе. Но въ нихъ заранѣе выдѣляется одинъ моментъ, а потому онъ и заслуживаетъ исключительнаго соображенія. Этимъ точно обрисовывается объемъ матеріи и вмѣстѣ съ тѣмъ рельефно выдвигается соизмѣряющій уголъ зрѣнія. Вся рѣчь сводится къ рожденію у Авраама двухъ сыновей по соотношенію съ этимъ плотянаго рабства и обѣтованной свободы. Одинъ этотъ элементъ и только въ данной постановкѣ будетъ подлежать разсмотрѣнію. Тутъ предрѣшается и свойство послѣдняго, квалифицируемаго довольно широкимъ эпитетомъ „иносказанія“. Глаголь ἀλληγόρεῖν — по своему производству отъ ἄλλο и ἀγορεύειν — значитъ собственно внушать другое по сравненію съ тѣмъ, что выражается простыми звуками или буквами. Такъ, эллины въ Кроносѣ олицетворяли время (Plutarch. De Isid. et Osir. § 32, p. 363: Ἕλληνες Κρόνον ἀλληγόροισι τὸν χρόνον), а Моисей не мало истинъ выражаетъ не прямо, но намеками и подъ образами (Jos. Fl. Antiqu. prooem. 4: τὰ μὲν αἰνιττομένου τοῦ νομοθέτου δεξιῶς, τὰ δὲ ἀλληγόρουντος). Какъ видимъ на библейскихъ антропоморфизмахъ касательно Бога ¹⁴⁵⁾, въ употребленіяхъ этого рода непосредственная наглядность служить простымъ покровомъ совѣмъ иного содержанія, для отысканія котораго необходимо собственное пониманіе, — и отсюда ἀλληγόρεῖν равняется „толковать переносно“ помимо прямого вер-

¹⁴⁵⁾ См., напр., хотя бы De migratione Abrahami § 23 fin. (Mangey I, p. 456. Cohn-Wendland II, p. 294. Yonge II, p. 72), гдѣ допущается, что свящ. писатель во Второз. XIII, 4 εἰκεν ἀλληγόρεῖν (ср. ниже въ прим. 279).

бальнаго смысла. Въ этомъ духѣ еерапевты—по Филону¹⁴⁶⁾—въ священныхъ писаніяхъ отыскиваютъ отечественную фило-софію аллегорическими интерпретаціями, принимая буквали-стическія изреченія за символы скрытыхъ въ нихъ таинствен-ныхъ вещей (ἐντυγχάνοντες γὰρ τοῖς ἱεροῖς γράμμασι, φιλοσο-φοῦσι τὴν πατριὸν φιλοσοφίαν ἀλληγοροῦντες· ἐπεὶ δὲ συμβολὰ τὰ τῆς ῥητῆς ἐρμηνείας νομίζουσι φύσεως ἀποκεκρυμμένης, ἐν ὁπονοίαις δηλουμένης). Законность подобнаго метода коренится въ самомъ существѣ факта: онъ не обладаетъ усвояемыми ему качествами и самъ оказывается аллегорическимъ, лишен-нымъ самобытнаго достоинства, почему и аллегоризуется (Clem. Al. Strom. V, 11: ἀλληγορεῖσθαί τινα ἐκ τῶν ὀνομάτων ὁσιώτερον; Protrept. 11: ὅπως ἀλληγορεῖται ἡδονὴ ἐπὶ γαστέρα ἔρπουσα). Съ этой стороны ἀλληγορεῖσθαι противопоставляется (у Porphyry. Vit. Pythag., Cantabr. 1655, p. 185) κοινολογεῖσθαι и ἀλληγορία отличается отъ τύπος тѣмъ, что въ пер-вой берется вымышленное, во второмъ—истинное (ср. Herasl-Alleg. Hom. 5: ὁ ἄλλα μὲν ἀγορεύων τρόπος, ἕτερα δὲ ὧν λέγει σημαίνων)¹⁴⁷⁾.

По этимъ справкамъ выходить, что основной характеръ аллегоріи состоятъ въ отсутствіи объективно-соотвѣтственной реальности у обсуждаемыхъ предметовъ по намѣреніямъ самого комментируемаго памятника, гдѣ они встрѣчаются. Въ примѣненіи къ анализируемому отрывку это будетъ свидѣтельствовать, что св. Павелъ не видѣлъ въ раз-сказѣ бытописателя исторической цѣнности и распоряжается съ нимъ свободно по личному прозрѣнію. Для него все повѣствованіе является почти притчей, и аллегорическіе матеріалы сближаются съ простою метафорой¹⁴⁸⁾. Исто-рическое событіе разрѣшается въ чистую параболу двухъ завѣтовъ, но ихъ сравнительное значеніе раскрывается испол-неніемъ и потому постигается лишь во свѣтѣ благодатнаго

¹⁴⁶⁾ De vita contemplativa § 3: Mangey II, p. 475. Richter V, p. 309. Conybeare, p. 64—65 (и ср. p. 150). Yonge IV, p. 7.

¹⁴⁷⁾ О терминѣ ἀλληγορεῖν см. въ особенности C. J. Ellicott, St. Paul's Epistle to the Galatians, p. 595—96, и J. B. Lightfoot, Saint Paul's Epistle to the Galatians, p. 10180.

¹⁴⁸⁾ Эту идею принимаетъ и Ad. Jülicher чрезъ примѣненіе (Die Gleichnisreden Jesu I, S. 50—51) тожества Свиды: ἀλληγορία ἢ μεταφορά

озаренія ¹⁴⁹⁾). Аллегорическій комментарий будетъ произвольнымъ привнесеніемъ христіанскихъ идей—въ параллель фило-
ническому навязыванію Библии чуждыхъ философскихъ кон-
цепцій. По логическимъ предпосылкамъ этотъ выводъ безуп-
реченъ, и дальше весь вопросъ въ его пригодности для
апостольскаго текста. Въ этомъ пунктѣ предъ нами и обри-
совывается непреодолимое затрудненіе. Прежде всего, благо-
вѣстникъ апеллируетъ къ Писанію, какъ безспорному автори-
тету, и тутъ всякая догадка насчетъ его тропическаго свой-
ства была прямо неумѣстна. Затѣмъ, все сосредоточивается
лишь на условіяхъ происхожденія двухъ сыновей Авраамо-
выхъ, а такія рѣчи дозволительны только тогда, когда для
нихъ имѣется реальная основа. Не требуется и прибавлять,
что иначе св. Павелъ обрекалъ бы себя безпощадному издѣ-
вательству, поелику бытіе Измаила и Исаака для всѣхъ было
аксіомой.

По этой причинѣ необходимо согласиться, что за эпизодомъ
сохраняется во всей строгости вся его историческая несомнѣн-
ность ¹⁵⁰⁾. Къ ней прилагается масштабъ высшаго вѣдѣ-
нія ¹⁵¹⁾,—и мы должны опредѣлить экзегетическую опору.
Тутъ важно отмѣтить, что если допускается фактическая
истинность, то этимъ ограждается и достоинство разсказа,
гдѣ говорится о событіи. Съ этой стороны ветхозавѣтное
извѣстіе неизбежно является хронистическою записью нали-
чнаго безъ всякихъ побочныхъ мудрованій. Они идутъ уже
отъ комментатора и падаютъ на его отвѣтственность. Слѣдо-
вательно, это собственное привнесеніе сверхъ даннаго или
субъективное перетолкованіе. Отсюда возникаетъ новая гипо-
теза, что Апостолъ тенденціозно преувеличиваетъ энергію
библейскихъ словъ и пасилуетъ ихъ въ своихъ интересахъ.
Чѣмъ выше его уваженіе къ Моисею, тѣмъ незаконнѣе герменев-

¹⁴⁹⁾ Cp. Rev. William Bellars, *Our Inheritance in the Old Testament* (London 1894), p. 62 («the story of Hagar and Sarah is regarded as a parable of the two covenants»). 71.

¹⁵⁰⁾ См. и *Hans Vollmer*, *Die Alttestamentlichen Citate bei Paulus*, S. 64.

¹⁵¹⁾ Если это духовное пониманіе св. Апостолъ сообщаетъ даже «несмысленнымъ Галатамъ», то ясно, что совершенно неправъ *Hans Vollmer* (*Die Alttestamentlichen Citate bei Paulus*, S. 69), будто «*darin stimmt Paulus mit Philo wiederum überein, dass ihm das Wissen um den ieferen Schriftsinn ein esoterisch ist*».

тический произволъ. Эта интерпретація утверждается на догадкѣ, будто все дѣло въ особомъ пониманіи повѣствованія ¹⁵²), и формула Галатійскаго посланія гласить, что библейскую букву нужно толковать аллегорически ¹⁵³) или образно ¹⁵⁴), претворяя ее въ догматическое назиданіе ¹⁵⁵).

Однако во всемъ разсужденіи нѣтъ ни малѣйшей цитаты, и оно созидается на краткой фактической справкѣ, нужной для удостовѣренія реальности событія. Въ свою очередь главнѣйшій моментъ ея не заимствуется изъ книги Бытія, а выдвигается для читателей путемъ нарочитаго подчеркиванія историческихъ подробностей, что плотяное рожденіе связывается съ рабствомъ, устраняющимъ отъ обѣтованія, которое всецѣло принадлежитъ свободному происхожденію. Здѣсь совсѣмъ не намекается на писанный документъ, и все сосредоточивается на фактической детали, которая въ немъ просто констатируется со спокойнымъ объективизмомъ наблюдателя. Поэтому

¹⁵²) И *J. Chr. K. v. Hofmann* толкуетъ внушеніе Апостола такъ, что отъ непосредственнаго значенія словъ заимствуется лежащій подъ нимъ сокровенный смыслъ, несомнѣнно въ нихъ содержащійся (*Die heilige Schrift neuen Testaments II, 1: Der Brief Pauli an die Galater, S. 214*).

¹⁵³) Къ этому склоняется и *Aug. Clemen*, который, усматривая здѣсь отголоски раввинистическаго образованія св. Павла (ср. выше къ прим. 112 на стрн. 57 и прим. 167 на стрн. 580), поясняетъ ἀλληγορούμενα въ смыслѣ τυπολογούμενα, τύπων λέγόμενα, а ἐστὶ передаетъ чрезъ «bedeuten, sind bildlicher Weise» (*Der Gebrauch des Alten Testaments in den neutestamentlichen Schriften S. 214*). Противъ сего см. и *Franklin Johnson, The Quotations of the New Testament from the Old, p. 118 sq.*

¹⁵⁴) *Ant. Th. Hartmann*, *Die enge Verbindung des alten Testaments mit dem Neuen, S. 595*: «Die mosaische Erzählung muss nicht nach dem buchstäblichen Sinne, sondern bildlich, als Hindeutung auf zwei Bündnisse aufgefasst werden».

¹⁵⁵) См. о. П. И. Соколовъ, *Исторія ветхозавѣтныхъ писаній въ христіанской Церкви*, стрн. 42 и прим. 12 («въ исторіи Авраама, Сарры и Агари сказано нѣчто иное, высшее, чѣмъ что обозначаетъ буква»). *Rev. Prof. Samuel Rolles Driver, Art. «Ishmael» въ A Dictionary of the Bible ed. by J. Hastings II, p. 504b*: «in Gal 4²¹—5¹ the narrative of Ishmael and Isaac is expounded allegorically». Сходно и † *Prof. R. A. Lipsius*, который прибавляетъ еще, яко бы такимъ аллегорическимъ толкованіемъ разсказа предполагается, что «первозаповѣдникъ комментируемаго писанія, — будетъ ли это Духъ Божій, или служившій ему орудіемъ человекъ, — мыслить и указывать нѣчто другое, — обыкновенно, нѣчто болѣе духовное, чѣмъ это непосредственно выражаетъ смыслъ его рѣчи». См. *Art. «Allegorie» въ Bibel-Lexicon von D. Schenkel I, S. 100*.

нельзя и несправедливо думать, будто ради своихъ цѣлей благовѣстникъ устраняетъ собственное сужденіе своего литературнаго первоисточника и съ сознательнымъ намѣреніемъ иначе представляетъ дѣло, ему недоступное непосредственно. Если же при этомъ всему происшествію усвоится высшій смыслъ, то отсюда выходить, что оно само по себѣ допускало подобное примѣненіе, содержа особыя предзнаменованія. Тогда имѣемъ, что въ самой реальности было нѣчто высшее. И этимъ совсѣмъ не упраздняется дѣйствительная историческая сила, поелику именно на ней и держится все построение ¹⁵⁶). По этимъ соображеніямъ мы должны согласиться, что—по апостольскому взгляду—въ реальномъ явленіи отдаленнаго прошлаго былъ элементъ аллегорическій, выражавшій другую истину сверхъ своего обыденнаго дѣйствія. Это не столько иное пониманіе, сколько подлинное опредѣленіе существа несомнѣнныхъ данныхъ по вѣдренной въ нихъ энергіи. Истолкованіе оказывается аллегорическимъ, поелику оно сосредоточивается не на прозаической реальности и ищетъ въ ней новаго содержанія, но это лишь потому, что въ данномъ исключительномъ примѣрѣ съ нею связывалось и ее проникало пѣчто особенное—кромѣ обычныхъ фактовъ и осязательнаго результата. Тутъ нѣтъ ни произвола, ни извращенія, а лишь своеобразная оцѣнка феномена.

Теперь загадка единственно въ томъ, было ли подобное примѣненіе исключительною движущею причиною событія и условіемъ самаго его бытія. При утвердительномъ отвѣтѣ получится, что случившееся не имѣло самобытной основы и вызывалось ради педагогическаго назиданія, для котораго служить наглядною иллюстраціей. Разница отъ собственной аллегоріи будетъ небольшая, что поучительный эффектъ усугубляется фактической назыблемостію символа, но послѣдній всецѣло обнимается имъ и удерживаетъ за собою важность не далѣе момента достиженія выражаемой цѣли. Урокъ поглощаетъ исторію безъ остатка—аналогично филоническому уничтоженію ея въ теософическихъ пареніяхъ. Выводъ оказывается не менѣе неблагоприятнымъ, что все то было, да минуло по призрѣнности самаго феномена.

Точный анализъ отклоняетъ и эту догадку. Св. Павелъ не затрогиваетъ всѣхъ подробностей и даже не напоминаетъ ихъ. Его вовсе не занимаетъ фактическая пунктуальность, и онъ сразу беретъ изъ нея одну идейную сторону. Для него

дорога обнаруженная исторически комбинація плотности и рабства, обѣтованія и свободы. Этотъ моментъ внѣшняго акта сообщаетъ ему всю специфическую характерность и подвергается разбору. Отсюда и *ἅτινα* объединяетъ всѣ реалистическія частности подъ общимъ признакомъ и чрезъ него устремляетъ вниманіе читателя на глубокий смыслъ явленія ¹⁵⁷). Аллегорическимъ будетъ не событіе, а засвидѣтельствоваанный имъ принципъ. Посему эпизодъ для Апостола типиченъ, но не типъ, лишенный индивидуальной устойчивости въ своемъ историческомъ существованіи ¹⁵⁸). Оно безспорно и самодостаточно, какъ всякое иное происшествіе въ жизни Израиля. Знаменательность касается его соотношенія къ воплощаемымъ нормамъ насчетъ приобрѣтенія свободного обладанія и подчиненія рабскому деспотизму. Въ потомкахъ Авраама эти свойства условливались ихъ происхожденіемъ и натурально воспринимались отъ матерей. Есте-

¹⁵⁶) Ср. *Franklin Johnson*, The Quotations of the New Testament from the Old, p. 119.

¹⁵⁷) По *C. J. Ellicott*, употребленное здѣсь *ὅτι* вм. *ὅ* относится къ разряду тѣхъ случаевъ, гдѣ предшествующее обрисовано читателю не достаточно опредѣленно («the antecedent is more or less indefinite from the way the subject is presented to the reader»), поелику «предметомъ рѣчи служатъ не самые факты рожденія двухъ сыновей, но всѣ обстоятельства, разматриваемыя въ своей совокупности» (*St. Paul's Epistle to the Galatians*, p. 594—95). *J. B. Lightfoot* комментируетъ (*Saint Paul's Epistle to the Galatians*, p. 10180) такъ: «not simply *ἃ* „which particular things“, but *ἅτινα* „which class of things“». Вмѣстѣ съ этимъ тутъ выражается и основаніе для принимаемаго причисленія (*Friedr. Sieffert*, *Der Brief an die Galater*, 9te Aufl., S. 280), при чемъ *ὅτι* приближается по значенію уже къ обще-причиненному *поскольку*. Тутъ не выдѣляется, а закрѣпляется за субъектомъ извѣстный признакъ, какъ ему принадлежащій существенно и объединяющій всѣ частности, но не поглощающій ихъ и потому не единственный. Этотъ оттънокъ вполне примѣнимъ и къ ст. 25 и 27, почему нѣтъ основаній соглашаться съ *Henry St. John Thackeray* (*The Relation of St. Paul to Contemporary Jewish Thought*, p. 197), будто мѣстоимѣніе вездѣ только воспроизводить евр. *אֵל*.

¹⁵⁸) Такъ, съ разныхъ сторонъ утверждаютъ, что, раскрывая типическій смыслъ (*Prof. Dr. A. Tholuck*, *Das Alte Testament im Neuen Testament*, Hamburg 1879, S. 38) соотвѣтственнымъ толкованіемъ (ср. и *Hans Vollmer*, *Die Alttestamentlichen Citate bei Paulus*, S. 64), Апостолъ полагаетъ въ основу аллегоріи (дѣйствительный) типъ (*Friedr. Sieffert*, *Der Brief an die Galater*, 9te Aufl., S. 282). Ср. ниже къ прим. 187 на стр. 594.

ственно, что и въ новыхъ случаяхъ будутъ равные рефлексъ, если найдется достаточное сходство съ прежними.

Ясно, что аллегоризмъ или типичность простираются единственно на такое сближеніе и не превышаютъ этихъ размѣровъ. Поэтому кавзальное γάρ (Гал. IV, 25), раскрывая инсказаніе, обрисовываетъ и самую причину, ибо все отмѣченное аллегорично потому, что—по идейному содержанію—точно отражается въ другомъ рядѣ и получаетъ въ немъ независимое подкрѣпленіе. И разъ тамъ фигурировали жены, то и здѣсь параллели подбираются именно къ нимъ. И не трудно было отыскать соотвѣтственный матеріалъ, поелику онъ напрашивался съ необходимостію и невольно приковывалъ къ себѣ разсудительную мысль. У насъ было двойство путей къ наслѣдію Авраамову, почему объ нихъ же должна быть рѣчь и далѣе. А для этой цѣли имѣются два завѣта—натуральнаго законничества и свободнаго усыновленія по благодати. Сопоставленіе дается само собою и безъ оговорокъ отмѣчается у благовѣстника. Но вся его сила заключается въ идейной родственности и не требуетъ отождествленія. Поэтому фраза αὐταὶ γάρ εἰσιν (αἱ) δύο διαθήκαι гласить, что супруги патріарха суть два завѣта лишь постольку, поскольку онѣ аллегоричны доселѣ,—уже по прекращеніи ихъ реальнаго бытія въ нашемъ мірѣ. Слѣдовательно, этимъ пмало не высказывается, что онѣ были простыми олицетвореніями и еще въ свое время предвѣщали апостольскія истины. Послѣднія аналогичны имъ принципиально по однѣмъ существеннымъ чертамъ,—и супруги Авраамовы изображаютъ два завѣта не болѣе того, что и эти таковы по своей природѣ. Эта мысль предполагаетъ, что въ обоихъ содержатся одинаковыя зиждательныя начала, которыя, конечно, будутъ сопровождаться тождественными результатами. Дальше нужно сдѣлать вѣрную группировку,—и въ прошломъ у насъ получится фактическое предреченіе о судьбѣ настоящаго.

Мы видимъ, что пока св. Павелъ опирается на реальныхъ качествахъ взятаго предмета и ничуть его не перетолковываетъ. Онъ извлекаетъ господствующую идею и обосновывается на ней въ своихъ сближеніяхъ. Тогда и послѣднія должны покоиться на реальномъ фундаментѣ въ предикатахъ второй группы. Благовѣстникъ и начинаетъ съ объективной характеристики номистическаго завѣта. Онъ „отъ горы Синаѣ“ и отъ нея почерпаетъ свое историческое бытіе; вмѣстѣ съ

этимъ у него все „раждается въ рабство“, которое неразрывно отъ самого акта и приобретається съ неизбѣжностію: всякій потомокъ сразу попадаютъ въ сферу поработенія помимо своей вины и вопреки своей волѣ. Значить, это институтъ всецѣло рабскій, а такова и есть Агарь, какъ рабыня, неспособная производить свободныхъ дѣтей. Опять же неотразимо, что наложница вовсе не считается историческимъ прототипомъ номизма съ оттѣнкомъ, будто она была и есть самый завѣтъ по воплощенію въ себѣ его особенностей. Въ текстѣ говорится обратное, что ея качества отпечатлѣваются въ синайскомъ учрежденіи и закрѣпляются за нимъ. Поэтому и все дѣло въ аргументаціи надлежащаго подобія между взятыми величинами. Въ нихъ констатируется сходство по итогу рабской продуктивности, но въ одной это покоилось на природныхъ свойствахъ и требуетъ для себя адекватнаго мотива во второй.

Такъ находимъ, что въ дальнѣйшемъ обязательно причинное разъясненіе рабскаго характера ветхозавѣтнаго закона изъ самаго существа. Этимъ заранѣе облегчается задача объективнаго уразумѣнія апостольскаго истолкованія. Оно обыкновенно читается въ такой редакціи (Гал. IV, 25): τὸ γὰρ Ἀγὰρ Σινᾶ ὅρος ἐστὶν ἐν τῇ Ἀραβίᾳ. Все удареніе сосредоточивается на имени матери Измаиловой, и комментарий св. Павла виситъ на волоскѣ искусственной привязанности къ грамматическому термину ¹⁵⁹). Понятно, что и не для критики это экзегетическое построеніе является неестественнымъ, а тогда единственнымъ оправданіемъ будетъ современное пристрастіе къ буквѣ съ убѣжденіемъ въ высокой важности библейской ономотологіи. Это чистѣйшій филонизмъ изощреннаго цѣпленія за всякій крючекъ письменнаго слововыраженія. Но тутъ насъ крайне поражаетъ странность, зачѣмъ трактуется объ Агари, между тѣмъ необходимо было говорить только о завѣтѣ со стороны его генетической близости къ ней. Это было бы вопіюще несообразностію, невозможной для нормальной логики. Въ меньшей степени и постигнуть ее трудно. Отъ патристической древности и понынѣ загадку разрѣшаютъ гипотезой, будто благовѣстникъ пользуется филологическими наведеніями, и его формула конста-

¹⁵⁹) См. и C. Siegfried, Philo von Alexandria als Ausleger des A. T., S. 305.

тируетъ, что „наименованіе Агарь означаетъ (по употребленію) въ Аравіи гору Синай“, которая называется этимъ словомъ среди тамошнихъ жителей. Мы не касаемся грамматическихъ неудобствъ данной попытки; умалчиваемъ и о томъ, что все это намъ исторически неизвѣстно и есть позднѣйшее измышленіе; не будемъ подчеркивать и безцѣльности такого внушенія, едва ли доступнаго непосредственнымъ читателямъ посланія, хотя бы они совпадали съ обитателями писидійско-ликаонскаго округа и обладали большою освѣдомленностію въ еврейскомъ діалектѣ. Допустимъ, что все это Апостолъ зналъ и примѣнилъ къ дѣлу съ полною увѣренностію въ грамматической точности своей интерпретации. Фактическимъ побужденіемъ для него выставляется догадка, что Синай—въ виду его обнаженной скалистости—прозывался у Арабовъ однозвучнымъ Авраамовой наложницѣ терминомъ, по-нашему „камень“. Но это совершенный филологическій абсурдъ. Арабскій эквивалентъ для послѣдняго звучитъ „хаджаръ“ и въ еврейскомъ начертаніи требуетъ рѣзко придыхательнаго *хетъ*: חגר, а въ подлинникѣ для Агари имѣется слабое *ге*: גר = бѣглянка, что соотвѣтствуетъ арабскому „гиджра“, принятому для начальнаго (622-го по р. Хр.) года мусульманской эры съ момента бѣгства Магомета изъ Мекки въ Медину ¹⁶⁰). Вмѣсто ожидаемой гармоніи получается страшный диссонансъ, который не могъ ускользнуть отъ изощреннаго слуха семита ¹⁶¹). У насъ на лицо двѣ несообразности, и къ нимъ присовокупляется еще третья. Ее просто понять съ перваго взгляда, ибо самоочевидно, что случайная титулація номадовъ не заслуживала бы

¹⁶⁰) *Ernest Renan* поддерживалъ (*Histoire du peuple d'Israël* I, huitième édition: Paris 1887, p. 96 et not. 1; см. и у *Rev. Prof. Herbert Edward Ryle*, Art. «Hagar» въ *A Dictionary of the Bible* ed. by J. Hastings II, p. 278a) это производство «par l'équivalence primitive de ח et ג»; чтобы подкрѣпить свою тенденціозную мысль, будто въ Агари (и Хеттурѣ) просто олицетворялись всѣ трибы Аравіи петрейской, дабы причислить ихъ къ авраамитамъ, а самая исторія Агари создавалась и построена на звуковомъ сходствѣ имени для скалы и бѣгянки.

¹⁶¹) Весьма странно, что *Prof. R. Kittel*, признавая и подчеркивая разность именъ арабскаго и еврейскаго, все же утверждаетъ (Art. «Hagar» въ *Realencyclopädie* von *Prof. A. Hauck* VII³, Lpzg 1899, S. 332), будто «bei Paulus wird Hagar, die Sklavin, als allegorische Bezeichnung des auf dem Sinaiberg geschlossenen Bundes der Gesetzesknechtschaft angesehen. Dieser Allegorie liegt zu Grunde die Erklärung des Namens» u. s. w.

высокаго вниманія въ вопросахъ догматически принципиальныхъ. Для вещей серьезныхъ такія тривиальности слишкомъ опасны, чтобы навязывать ихъ человѣку, прошедшему раввинистическую школу ¹⁶²). Со всѣхъ сторонъ прибавка Ἀγάρ высматриваетъ клиномъ, врѣзывающимся въ логическій строй совершенно не кстати ¹⁶³). И текстуальная традиція, не благопріятствуя ей, помогаетъ проникнуть въ генезисъ всѣхъ варіацій. Онѣ собственно троякаго рода: а) τὸ γάρ Σινᾶ, б) τὸ (δὲ) Ἀγάρ Σινᾶ и в) τὸ γάρ Ἀγάρ Σινᾶ — ὅρος ἐστίν. Но причинное γάρ необходимо по связи рѣчи и потому удерживается во всѣхъ изданіяхъ, а по ближайшему упоминанію (въ концѣ 24-го стиха) его легко было обратить въ Ἀγάρ. При такой двойственности оказывался ненужнымъ либо союзъ либо Σινᾶ (въ лат. D, E и частію у псевдо-Иларія), хотя по естественнымъ соображеніямъ потомъ сохранены были всѣ оттѣнки. Отсюда и выросла текстуальная композиція. Простота и историческая вѣроятность подобнаго процесса не подлежатъ спору и служатъ объективными инстанціями противъ Ἀγάρ ¹⁶⁴). И разъ оно не соотвѣтствуетъ раціональнымъ постулатамъ идейной аргументаціи, — его изытіе будетъ всячески неизбежно ¹⁶⁵).

Имя исчезаетъ, и мысль приобретаетъ прогрессивность поступательнаго движенія. Раньше было отмѣчено сходство закона и матери Измаиловой по фактическимъ обнаруженіямъ взаимнаго вліянія, чѣмъ предрѣшалось и равенство условливающаго фактора въ свойственномъ обоимъ рабствѣ. Но по фактическому происхожденію номизмъ какъ бы сливается съ Синаемъ и свое качество заимствуетъ отъ

¹⁶²) См. подробности у *J. B. Lightfoot*, *Saint Paul's Epistle to the Galatians*, p. ¹⁰193—198.

¹⁶³) Поэтому и *Henry St. John Thackeray*, удерживая это имя, принимаетъ довольно странное толкованіе (Hort'a): «гора Агаръ есть гора Синай въ Аравіи», но примѣняетъ его сходно данному нами пониманію, что «the home of Hagar and her descendants is, as you know, Mount Sinai» (*The Relation of St. Paul to Contemporary Jewish Thought*, p. 198).

¹⁶⁴) Частѣйшія обоснованія см. у *J. B. Lightfoot*, *Saint Paul's Epistle to the Galatians*, p. ¹⁰192—193.

¹⁶⁵) Имя Ἀγάρ опускаютъ, напр., *J. Chr. K. v. Hofmann*, *Die heilige Schrift neuen Testaments II, 1* (*Der Brief Pauli an die Galater*), S. ²143, и *Aug. Clemen*, *Der Gebrauch des Alten Testaments in den neutestamentlichen Schriften*, S. 215.

него. А объ немъ несомнѣнно, что это гора, находящаяся въ Аравіи. Характернымъ здѣсь считается топографическое мѣстоположеніе и, разумѣется, потому, что часть всегда носить особенности цѣлаго. Въ этомъ же пунктѣ незыблемо, что это была страна потомковъ Измаила, гдѣ они являлись и обитателями и обладателями ¹⁶⁶). Значить, это была территория строго измаилитская или специально рабская. Въ примѣненіи къ завѣту синайскому этимъ свидѣтельствуется, что онъ беретъ свое начало изъ рабской сферы и натурально проникается ея стихіями, дающими адекватный плодъ. Должно сознаться, что это сужденіе отзывается нѣкоторою искусственностію, однако оно вполнѣ оправдывается самымъ сближеніемъ, формулированнымъ прежде по эффективнымъ аналогіямъ. Тогда изъ двухъ величинъ въ другой должно быть тоже, что и въ первой. Агарь родила раба по плоти, поелику сама была рабыней. Въ свою очередь ея уничиженное свойство было недобровольнымъ и коренилось во внѣшнемъ подчиненіи стѣснявшему господству. Съ этой стороны номистическій институтъ дѣйствительно параллеленъ наемницѣ Авраамовой, потому что происходитъ изъ рабской среды, пронизывающей скалу законодательства. Тутъ необычность обоснованія лежитъ въ самомъ существѣ вопроса и не нарушаетъ фактической стройности во взятомъ предметѣ, отбѣиваются реальныя его черты. Но особенно важно помнить еще то, что вся аргументація сосредоточивается на моментѣ происхожденія закона отъ горы. Въ этомъ случаѣ всячески безспорна ихъ связь топографическая, а для разсматриваемаго явленія она будетъ и хронологическимъ опредѣленіемъ перваго. Если заповѣди Моисеевы идутъ отъ Синая, то фактическое бытіе ихъ въ мірѣ начинается лишь съ опубликованія на синайскихъ вершинахъ. Ясно, что по своему возникновенію онѣ оказываются временнымъ явленіемъ космическаго строя, почему подлежатъ ему и по своему дальнѣйшему теченію. Въ этомъ видѣ номистическія формулы

¹⁶⁶) Ср. упоминаніе «сыновей Агари» у Вар. III, 23, но Rev. John Macpherson допускаетъ возможность (Art. «Hagrites» въ A Dictionary of the Bible ed. by J. Hastings II, p. 282a), что у автора тутъ «only a vague reference to the children of the East famous for their wisdom», между тѣмъ R. Kitter категорически утверждаетъ (Art. «Hagariter» въ Realencyklopädie von Prof. A. Hauck VII³, S. 333), что «die Söhne Hagars sind die Ismaeliten».

необходимо бывают преходящими нормами, которые не имѣютъ самобытности и потому не могутъ давать независимости. Отсюда прямо и неизбѣжно вытекаетъ космическая условность законничества, когда оно лишается собственной устойчивости и натурально пропитывается свойствомъ рабской подневольности.

Соображая всѣ итоги, мы имѣемъ два сходственные ряда. Въ нихъ раскрыто теперь рабское состояніе по природѣ. Дальше будетъ слѣдовать и одинаковость обнаруженій, необходимая при родственности активной причины. Такъ Апостоль прямо подтверждаетъ свою формулу, что завѣтъ синайскій есть раждающій въ рабство, поскольку онъ рабскій. Въ этомъ видѣ все сопоставленіе приобрѣтаетъ энергію математической убѣдительности, что два одинаковыя слагаемыя даютъ тождественную сумму. Объ ней пока умалчивается, ибо нужно напередъ опредѣлить потомство синайскаго закона. Доселѣ благовѣстникъ опирался на фактическія детали событій, указывая въ нихъ аналогичные признаки. Поэтому мы ожидаемъ, что такой тонъ сохранится въ неизмѣнности. Этимъ ближе выясняется и „прилаганіе къ нынѣшнему Іерусалиму“. Его не рѣдко толкуютъ по гаматріи въ духѣ іудейскихъ экзегетовъ, пользовавшихся численнымъ количествомъ именъ въ интересахъ соотношенія самыхъ объектовъ. Тогда св. Павелъ будетъ скорѣе раввинистомъ, чѣмъ поклонникомъ александрійской герменевтики¹⁶⁷⁾.

¹⁶⁷⁾ Prof. John Massie, Art. «Allegory» въ A Dictionary of the Bible ed. by J. Hastings I (Edinburgh 1898), p. 65b. A. E(dersheim), Art. «Philo» въ A Dictionary of Christian Biography, Literature, Sectes and Doctrines ed. by William Smith and Henry Wace IV (London 1887), p. 360 a, not. d: «when St. Paul used allegory (as in 1 Cor. IX. 9; Gal. IV. 21, etc.), it appears to me that he applied it the Palestinian, rather than the Alexandrian manner». H. Ed. Ryle, допуская у св. Павла вообще «the „Haggadic“ expansion of the original version» ветхозавѣтныхъ сваящ. книгъ, находитъ, что «this allegorical treatment of the story of Hagar corresponded to the rabbinic method of teaching in the apostle's time» (см. Art. «Hagar» въ A Dictionary of the Bible ed. by J. Hastings II, p. 278b). Въ свою очередь и Rev. J. A. M'Clymont находитъ (Art. «New Testament» у J. Hastings ibid. III, p. 523b) въ Гал. III, 16. IV, 22—25. 1 Кор. IX, 8. 10. X, 1. 2 «a Rabbinic style of argument». Rev. Prof. George G. Findlay думаетъ, что «Paul's theological method and style, and use of Scripture, are Rabbinical of the purest age» (Art. «Paul the Apostle» ibid. III, p. 698 a), почему и «Paul's use of types and allegory may have been learnt from his masters at Jeru-

Для примѣра проектируется такое уравненіе: „мать горы Синай, раждающей въ рабство“ = אִם הָיָה מִתָּר סִינַי יוֹלְדָה לַעֲבֹדָה, что — по цифровой системѣ — даетъ $(41 + 16 + 245 + 130 + 450 + 117 =) 999$; это число содержится въ другомъ реченіи „Агарь есть гора въ Аравіи“ = הַגֵּר הָרָה הִיא שְׁעָרָב (208 + 205 + 574 = 999) и эквивалентно „нынѣшнему Іерусалиму“ = יְרוּשָׁלַם הַזֶּה (586 + 413 = 999). Наоборотъ фраза „Сара — мать наша“ выражается чрезъ אִמֵּנוּ שָׂרָה съ численнымъ итогомъ въ $(510 + 97 =) 607$, который получается и нумерическимъ дешифрированіемъ $(586 + 21 = 607)$ יְרוּשָׁלַם הָרָה (Іерусалимъ тотъ, будущій)¹⁶⁸). Отсюда имѣемъ, что синайскій завѣтъ агарянско-рабскій и воплощается въ практическомъ номизмѣ іудейскаго іерусалимскаго типа, между тѣмъ свободная Сарра воспроизводится лишь въ градѣ вышнемъ и сообщаетъ свои привилегіи только его членамъ.

Мы охотно цѣнимъ талмудическое остроуміе данной гипотезы, но не въ правѣ скрывать, что это субъективная игра тенденціозной фантастичности. Ради нея произвольно сочиняются текстуальныя сентенціи, гдѣ явно насилуется самая буква. Впрочемъ, о возможностяхъ спорить мудрено и довольно напрасно. Для насъ гораздо существеннѣе, что такой изощренный приѣмъ невѣроятенъ принципиально¹⁶⁹). Въ рѣчи серьезно-дидактической ожидать его было крайне трудно и

salem», — частіе, чрезъ Гамаліила, какъ догадывается Prof. H. J. Holtzmann, Art. «Allegorie» въ Bibel-Lexicon von D. Schenkel I, S. 101 Въ этомъ же духѣ и Henry St. John Thackeray указываетъ на замѣтный раввинскій колоритъ апостольскаго толкованія (The Relation of St. Paul to Contemporary Jewish Thought, p. 79), гдѣ обнаруживается вліяніе только раввинистическихъ методовъ аллегоріи (p. 200), потому что они практиковались въ палестинскихъ ученыхъ школахъ, а это во всякомъ случаѣ исключаетъ прямое воздѣйствіе Александріи на св. Павла (p. 192). См. еще на стр. 49, 153.

¹⁶⁸) Для такого толкованія † Prof. R. A. Lipsius ссылается (въ «Hand-Commentar zum Neuen Testament II, 2^e [Freiburg i. B. 1892]: Briefe an die Galater, Römer, Philipper, S. 55) на «Grossmann in seinen Vorlesungen über den Galaterbrief», но — по частному сообщенію Prof. H. J. Holtzmann'a — эти «чтенія» не изданы, какъ и многія другія работы покойнаго († 1857) Prof. Chr. Gottlob Leberecht Grossmann'a (см. у G. Müller въ Realencyklopädie von Prof. A. Hauck VII², S. 199).

¹⁶⁹) См. еще возраженіе у Pfarrer D. G. Linder, Die Allegorie in Gal. 4, 21—31 въ «Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie» XLIII (N. F. VIII): 1900, 2, S. 223—224. 226.

требовалось бы напомнить объ немъ выразительно. Это было тѣмъ неотложнѣе, что приходилось угадывать еврейскіе звуки подъ греческою оболочкой, а на это Галаты едва ли были способны ¹⁷⁰⁾. Посему и Апостолъ въ интересахъ собственного успѣха долженъ бы опираться на греческомъ языкѣ и его спеціальныя приспособленія выдѣлять съ отчетливостію. Фактически все идетъ вопреки естественному порядку и какъ будто нарочно направляется къ тому, чтобы запутать читателей и затемнить развиваемую идею. Она же и подлинно коверкается на прокустовомъ ложѣ іудейской гаматріи. Согласно ей намъ предписывается думать, что гора Синай раждается отъ Агари, которая будетъ для нея матерью. Не нужно и говорить, что все это просто дико и въ буквальномъ и въ метафорическомъ смыслѣ, ибо никто еще не рѣшался защищать исторически-догматическую нелѣпность, будто богооткровенный законъ синайскій ведетъ свое начало отъ рабыни Авраамовой.

Благовѣстникъ ни единымъ штрихомъ не намекаетъ на подобную абсурдность. Онъ свидѣлствуетъ совсѣмъ иное, что завѣтъ Моисеевъ проистекаетъ отъ горы Синая, которая, — если угодно, — и дѣйствительно стоитъ къ нему въ материнскихъ отношеніяхъ. Потомъ за этимъ учрежденіемъ закрѣпляется свойство рабской продуктивности, откуда уже и построяется заключеніе объ аналогіи съ Агарью, обнаружившею это качество въ плотской сферѣ. Въ свою очередь сходство въ слѣдствіяхъ постулируетъ къ одинаковости натуральныхъ причинъ, и это иллюстрируется ссылкой на фактъ натурального рабства въ обоихъ источникахъ, потому что наложница была рабыней, а Синай находился подъ рабскими вѣяніями своей агарянской среды. Здѣсь нѣтъ тождества, и все ограничивается предметнымъ сближеніемъ на основаніи характеристическихъ предикатовъ въ самыхъ ве-

¹⁷⁰⁾ Уже этимъ однимъ устраняется и собственная гипотеза D. G. Linder'a, который допускаетъ, будто въ основѣ аллегоріи Павловой лежатъ отождествленіе еврейскихъ глаголовъ גלגל—бѣжать и עזב—уходить: см. «Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie» XLIII (N. F. VIII): 1900, 2, S. 224—226. Помимо того, что сказано о GROSSMANN'ѣ, — достаточно здѣсь отмѣтить, что эта попытка требуетъ обязательнаго присутствія спорнаго слова *Агар и всецѣло сосредоточивается на имени «Аравія», между тѣмъ Апостолъ упоминаетъ объ этомъ безъ особой выразительности и всюду выдвигаетъ «гору Синай».

щахъ. Онѣ взаимно близки и по природѣ и по активности. Отсюда неизбежно, что въ антитипѣ повторится судьба протопита. И вся задача теперь въ отысканіи этого продолжателя. А тутъ всячески безспорно, что Синай сохраняетъ свое реальное значеніе въ нынѣшнемъ Іерусалимѣ, почему они имѣютъ внутреннюю связь преемства и конгеніальности. Это невозможно безъ особаго господствующаго фактора, который бы сплачивалъ двѣ топографическія величины. Но синайская гора интересна не сама по себѣ и выше выдвигалась лишь въ качествѣ историческаго пункта, отъ котораго возникаетъ завѣтъ. Посему тоже мыслится и во святомъ городѣ по отношенію къ разсматриваемому принципу. Если же такъ, то аргументація была здѣсь совершенно излишня. Всѣ хорошо понимали и непоколебимо исповѣдывали, что Іерусалимъ былъ вмѣстилищемъ номизна, его фактическимъ оплотомъ, догматическою гарантіей и религіозно-авторитетнымъ распространителемъ.

Оба предмета объединяются по своему законническому достоинству, гдѣ второй воспринимаетъ въ полномъ объемѣ легальную роль перваго. Съ этой стороны они строго соотвѣтственны. Этимъ прямо устраняется невѣроятное патристическое толкованіе (св. І. Златоуста) въ смыслѣ смежности, и глаголь *συν(ν)στοιχεῖν* пріобрѣтаетъ свойственную энергію включенія въ общій классъ, какъ солдаты распредѣляются по ширингамъ, противоположныя начала (у Пифагорейцевъ)—по этически-натуральному содержанію, буквы алфавита—по органамъ рѣчи или по коренному производству¹⁷¹⁾. Подобно всему этому Синай и Іерусалимъ сливаются въ одной категоріи свойственнаго имъ законническаго выраженія. И разъ это несомнѣнно, отсюда будетъ слѣдовать и дальнѣйшее сходство, которое уже легко угадать по предыдущему. Мы имѣли аналогію Синая съ Агарью по качеству натурального рабства, функционирующаго въ рабской производительности. Она неизбежный продуктъ и въ параллельныхъ условіяхъ всюду является неотлучнымъ спутникомъ. Поэтому его должно ожидать и въ Іерусалимѣ. Съ этой точки зрѣнія для Апостола требовалось не столько причинное обоснованіе, сколько иллюстрирующее констатированіе наличнаго. По такимъ кон-

¹⁷¹⁾ См. у *J. B. Lightfoot*, *Saint Paul's Epistle to the Galatians*, p. 181.

текстуальнымъ соображеніямъ мы больше склоняемы въ пользу $\delta\acute{\epsilon}$ (Res.) въ замѣнъ $\gamma\acute{\alpha}\rho$ (LTrWN) въ упоминаніи (IV, 25: $\delta\omicron\upsilon\lambda\epsilon\upsilon\sigma\iota\delta\acute{\epsilon}$) объ іерусалимскомъ рабствованіи. Это пригоднѣе и по самому существу дѣла. Разумѣется, конечно, внѣшнее подчиненіе іудейскаго народа деспотизму Рима. Политическая уничиженность Израиля была тяжелымъ ударомъ для его омірщенной религіозной гордости, но далеко не обладала смертоюсною сокрушительностію для раввинистической діалектики ¹⁷²⁾. Тамъ, гдѣ государственное могущество падало неудержимо и вся самобытность разсѣивалась въ фикцію искусственно-скоротечнаго призрака, — блюстители обветшавшей теократіи старались созидать незыблемое царство обѣтованнаго верховенства по закону. Подъ грозою близкой катастрофы фарисейство еще сильнѣе распаляется номистическимъ самодовольствомъ и благостный призывъ Спасителя отвергаетъ съ хвастливою дерзостію: *сымя Авраамле есмы, и никомуже рабствомъ николиже* (Ин. VIII, 33). Предъ этимъ фанатическимъ упорствомъ ссыла св. Павла была бы напраснымъ звукомъ возгласа въ пустынь ослѣпленнаго оболыщенія. Въ равной мѣрѣ она оказывалась бы и не достаточно удобной по логическому ходу, ибо Іерусалимъ представляется тутъ законническою твердыней и долженъ быть оцѣниваемъ по номистическимъ обнаруженіямъ. Въ этой комбинаціи и было особенно важно отмѣтить политическую подневольность, какъ фактическое свидѣтельство порабощающаго вліянія легализма. Онъ обязательно влечетъ рабство по своему агарянскому характеру, поелику не сообщаетъ свободы независимости отъ космическихъ давленій и, открывая для нихъ просторъ, служить реальнымъ фундаментомъ ¹⁷³⁾. Въ этомъ видѣ фактическое стѣсненіе было лишь нагляднымъ запечатлѣніемъ и внушительнымъ знаменіемъ натуральной поработченности, удостоверяло ея бытіе и освѣщало врожденную неискоренимость. Іудаисты лишались опоры для софистическихъ отговорокъ, потому что ихъ послѣднее убѣжище становилось для нихъ роковою пропастію. Іерусалимъ рабствуетъ, — и это не слу-

¹⁷²⁾ Ср. выше въ книгѣ I-й на стрн. 292 и прим. 56, стрн. 563, ²⁶⁷. 823, ⁴²⁸.

¹⁷³⁾ Ant. Th. Hartmann говоритъ (Die enge Verbindung des Alten Testaments mit dem Neuen, S. 596), что разумѣемые у Апостола іерусалимиты «an das drückende Joch der Thora wie Sklaven geschmieden sind».

чайно, хотя бы и было мимолетно. Онъ нищенски покорствуется предъ языческимъ властелиномъ именно по своему генетическому содружеству съ Синаемъ и—слѣдовательно—будетъ такимъ всегда, доколѣ не отречется отъ этого наслѣдничества. Онъ соотвѣтствуетъ синайской горѣ, но за-то (δὲ) и рабствуетъ съ необходимостію ихъ общаго предвѣстника въ рабынѣ-наложницѣ. Поэтому подобное условіе фатально распространяется на всѣхъ дѣтей, которыя подчиняются ему по самому происхожденію (τέκνον-τίκτω) и съ хронологическою неразрывностію отъ даннаго акта (μετά). Потомки страдаютъ собственно потому, что они порождение номистическаго Иерусалима и несутъ его иго.

Ветхозавѣтный институтъ теперь нашель свое прототипическое уподобленіе. Тогда второй или новый неотъемлемо получалъ остающееся, ибо на него не было другихъ претендентовъ. Детальныя убѣжденія были излишни по нендобности,—и благовѣстникъ кратко подчеркиваетъ логическіе выводы въ своихъ аподиктическихъ формулахъ. Если нынѣшній Иерусалимъ рабствуетъ, то—по контрасту—вышній будетъ свободный (Гал. IV, 26). Но первый берется по своему положенію въ современныхъ номистическихъ рамкахъ, воплощавшихся во всемъ іудейскомъ строѣ. Потому и вышній разсматривается съ конструктивной стороны, какъ превышающій эти условія и почерпающій свои силы изъ иныхъ источниковъ превосходящаго достоинства. Эпитетъ ἄνω совсѣмъ не значить, будто онъ не можетъ существовать въ космической средѣ нашего универса. Нѣтъ, —этимъ отмѣчается только то, что послѣдній не условливаетъ ни начала, ни функций верховнаго града, который абсолютно автономенъ и самъ творить свои формы въ земной сферѣ. Его бытіе истинно не менѣе антипода ¹⁷⁴⁾, откуда неоспоримо и фактическое вліяніе ¹⁷⁵⁾. Тамъ оно созидалось на внѣдренномъ принципѣ синайскаго законничества, закрѣпившагося въ нынѣшнемъ

¹⁷⁴⁾ Замѣтимъ, что и Филонъ знаетъ Иерусалимъ идеальный, но—въ качествѣ *ὅρασις*: *εἰρήνης*—это есть градъ Божій въ душѣ каждаго мудреца. См. *De somniis* II, 38; *Mangey* I, p. 691. 692. *Cohn-Wendland* III, p. 298. *Yonge* II, p. 387—388 (§ 39).

¹⁷⁵⁾ Но ср. у (Prof.) *Wilh. Schmidt*, *Der alte Glaube und die Wahrheit des Christentums* (Berlin 1891), S. 168—171. 174, что разумѣется Иерусалимъ не пространственный и не предсуществующій. См. и выше въ книгѣ I-й на стр. 607, 452.

Іерусалимѣ. Значить, вышній будетъ носителемъ обратной энергіи, надѣляющей его свободою, а такова и есть вѣра, рождающая христіанъ. Ясно, что мать наша не Іерусалимъ вышній, который служитъ идеальнымъ образцомъ для фактического достиженія свободныхъ привилегій и реально слагается изъ совокупности ихъ обладателей. Они же по самой адверсативности должны быть внѣ законническаго поработенія и возникать изъ противныхъ стихій, какія мыслимы единственно въ вѣрѣ ¹⁷⁶). Она оказалась діаметральною номизму и, естественно, будетъ непричастна его сервилizmu, почему свободна и рождаетъ свободныхъ. Въ этомъ отношеніи она внутренне совпадаетъ съ вышнимъ Іерусалимомъ, поелику и этотъ свободенъ по эссенціальному своему духу. Вѣра точно такова (ἡ τις), какъ и онъ, отражаетъ всѣ его свойства и сопровождается равными результатами ¹⁷⁷). Неизгладимое свидѣтельство этого имѣется въ наличномъ существованіи возрастающей христіанской семьи. Очевидно, что вѣра безпрепятственно пользуется всѣми материнскими правами свободного общенія съ мужемъ и вытѣсняетъ свою соперницу. Правда, ея юридическія полномочія долго были скрытыми и сейчасъ проявляются больше въ отверженномъ язычествѣ, однако это вполне нормально по божественному промыслу. Здѣсь исполнилось и величественное слово пророческое (Иса. LIV, 1) о восторженной радости покинутой временно жены, разъ ея многочадіе громко говоритъ о приобрѣтеніи всѣхъ супружескихъ прерогативъ, показывая вмѣстѣ съ тѣмъ, что прежнее безплодіе не было натуральнымъ недостаткомъ (Гал. IV, 27). Тогда безспорно, что христіане, будучи братьями по рожденію отъ вѣры, суть восприемники качествъ Исаака, ибо они происходятъ отъ свободной. Съ этой стороны не будетъ возраженіемъ и ссылка на раннѣйшее исключеніе, лишавшее язычниковъ плотскаго соприкосновенія съ сѣменемъ Авраамовымъ. Отсюда скорѣе слѣдуетъ, что они

¹⁷⁶) Уже св. Поликарпъ смирнскій разумѣлъ въ словахъ Апостола Павла τὴν δοθεῖσαν ἡμῖν πίστιν ἡ τις ἐστὶ μήτηρ πάντων ἡμῶν: Epist. ad Philippenses § 3 ap. Migne, gr. ser. t. V, col. 1008.

¹⁷⁷) Здѣсь связь строго предметная, почему не вѣрно замѣчаніе Ant. Th. Hartmann'a (Die enge Verbindung des Alten Testaments mit dem Neuen, S. 600), яко бы у Апостола сближеніе покоится на томъ, будто «der Name Sarah, bildlich aufgefasst, das himmlische Jerusalem andeutet».

созидаются обѣтованіемъ (IV, 28) и опять отождествляются съ сыномъ Сарры. Потому ихъ судьба должна быть одинаковой. Конечно, христіанство пока внѣшне слабо и стѣснено, но мы знаемъ (Быт. XXI, 10 сл.), что „гонимый“ Исаакъ возобладаль, а Измаиль устраненъ отъ наслѣдства даже на условіи ограниченной совмѣстности (Гал. IV, 29—30). Неотразимо, что фактическая приниженность дѣтей вѣры ничуть не колеблетъ ихъ преимуществъ, подтверждаетъ ихъ достоинство и вдохновляетъ свѣтлыми надеждами на будущее, когда поборающіе нынѣ враги путемъ самоотреченія сольются съ ними для достиженія завѣщанныхъ благъ. Снова раскрывается, что христіане, какъ братья, въ родствѣ со свободной и не сыновья рабыни (IV, 31), а—слѣдовательно—будутъ наслаждаться и социальнымъ-политическимъ верховенствомъ.

Апостолъ пришелъ къ желанной цѣли: онъ обезпечилъ христіанскую свободу и утвердилъ на ней обѣтованныя прерогативы облагодатствованныхъ, ниспровергнувъ притязанія іудаистическаго номизма. Аллегорія увѣнчивается догматомъ и направляетъ къ моральному назиданію касательно истиннаго употребленія свободныхъ дарованій. Мысль дальше (Гал. V, I сл.) развивается съ не менѣе гармоническимъ соотвѣтствіемъ предыдущему и прямо вытекаетъ изъ него. Доселѣ было добыто, что плотскія права влекутъ за собою рабство. Въ такомъ случаѣ естественно, что свобода должна была выражаться практически въ отрѣшеніи отъ плотяности съ подавленіемъ ея регулирующаго вліянія въ моральной сферѣ. Взглядъ этотъ столь же логически неизбѣженъ, сколько и жизненно-реаленъ. Имъ освѣщается все раннѣйшее съ отрѣніемъ объективнаго характера аллегорической аргументаціи. Въ этомъ отношеніи намъ и нужно оцѣнить ее по связи со всѣми формулированными наблюденіями, чтобы опредѣлить теоретическую состоятельность.

Рѣчь прежде всего о законѣ. Въ качествѣ института синайскаго онъ приравнивается къ Агари и пріобрѣтаетъ свойство натуральной порабощенности. Такое сужденіе было величайшею обидой для іудейства, которое не можетъ ни забыть, ни простить этого поруганія и въ безсильной злобѣ замалчиваетъ имя св. Павла либо клеймитъ его позоромъ вражескаго ренегатства ¹⁷⁸⁾. И по наружности подобный при-

¹⁷⁸⁾ См. выше въ книгѣ I-й на стрн. 148 сл. и ср. 15,36. Современный

говоръ апостольскій невольно вызываетъ недоумѣнія насчетъ его пригодности къ проявленію спасительной педагогической божественнаго промысла. Въ этомъ критика имѣетъ внѣшнюю опору для обвиненій благовѣстника въ тенденціозныхъ натяжкахъ, которыя сближаются съ филоновскими экспериментами надъ библейскимъ текстомъ. Однако у Апостола все утверждается на фактическомъ сходствѣ обѣихъ величинъ въ

иудаизмъ вполне раздѣляетъ это воззрѣніе, поскольку для него Апостоль Павелъ «или никогда не былъ раввинистическимъ иудеемъ или совершенно забылъ, что такое было и есть иудейство» (*C. G. Montefiore, Rabbinic Judaism and the Epistles of St. Paul* въ «*The Jewish Quarterly Review*» XIII, 50 [January, 1901], p. 206: «either this man was never a Rabbinic Jew at all, or he has quite forgotten what Rabbinic Judaism was and is»), а въ этой формулѣ мы обязаны видѣть отголосокъ исконнаго убѣжденія, ибо религія іудейская совпадаетъ съ раввинистической (p. 161), которая окончательно сложилась къ эпохѣ апостольской и остается неизмѣнной (p. 164). Потому и мотивъ для подобныхъ сужденій по прежнему заключается въ нетерпимости къ антиномизму Павлову (см. выше стрн. 5 сл.). Для ослабленія его сокрушительности въ устахъ питомца Гамалиилова категорически утверждаютъ, будто у благовѣстника понятіе закона дается не реальное (p. 167) и не соответствующее истинному положенію вещей (p. 199), почему критика апостольская не объяснима изъ іудейской дѣйствительности (p. 207), не касается послѣдней (p. 175) и отпадаетъ сама собою (p. 168). Превосходя въ этомъ пунктѣ Христа Спасителя и различаясь отъ Него (p. 181), св. Павелъ смотритъ съ точки зрѣнія своей доктрины, сформулированной въ духѣ оппозиционности (p. 173) и обильной всякими недостатками (p. 165), откуда возникали всяческія преувеличенія (p. 172. 162), напр., насчетъ юридическаго элемента, навязываемаго законничеству вопреки раввинскимъ ограниченіямъ (p. 172). Достоверный не болѣе другихъ ренегатовъ (p. 179. 180) и не уравниженный полемиста (p. 208),—онъ рисуетъ воображаемыхъ іудейскихъ самохваловъ (p. 168), чернитъ іудейскую мораль (p. 178) и многое заканчиваетъ (p. 187—188. 203—204. 205). Поэтому обличенія противъ изобрѣтенныхъ каррикатуръ иногда граничатъ съ оскорбленіемъ здраваго смысла (p. 178) и—по фактическому достоинству—напоминаютъ борьбу съ воздухомъ (p. 167) и его бленіе (p. 205—206), между тѣмъ при точности воспроизведенія для «іудейскаго ума» получается, будто «вся схема Павловой теологіи была абсолютно не необходима» (p. 204: «according to the Jewish mind, the entire scheme of Pauline theology was absolutely unnecessary»). Однако признается, что «законъ есть іудейскій Христосъ» (p. 184) и, обезпечивая всѣмъ израильтянамъ вѣчную жизнь (p. 175) и спасеніе (p. 198 sqq.), проникнуть партикуляризмомъ (p. 182. 216). Въ такомъ случаѣ безспорно, что этотъ номизмъ является строго націоналистическимъ, а этимъ рѣшительно оправдывается теорія Апостола Павла объ аккомодативной приспособительности всего института въ космическомъ обустройствѣ и реальномъ функционированіи.

ихъ историческомъ бытіи. Первая черта—это природный сервизмъ, но, несомнѣнный для наемницы Авраамовой по ея соціальному положенію, онъ неоспоримъ и для закона по причинѣ его происхожденія отъ Синая, находившагося въ рабской средѣ и воспринимавшаго ея стихіи. Въ свою очередь этимъ фатально обуславливалась рабская подневольность потомства съ устраненіемъ отъ отцовскаго наслѣдія, и для Агари она удостовѣряется изгнаніемъ Измаила, а для номизма свидѣлствуется порабощеніемъ нынѣшняго Іерусалима со своими чадами и именно вслѣдствіе легалистической связанности. Тутъ было лишь простое запечатлѣніе функционирующей силы и держится единственно на ней. Посему и весь центръ тяжести падаетъ на выясненіе внутренней природы съ убѣжденіемъ въ присущей ей рабской энергіи. Это достигается чрезъ отнесеніе законничества къ его историческому источнику въ горѣ синайской, когда завѣтъ вошелъ въ міръ и сдѣлался активнымъ факторомъ религіозно-моральной жизни сыновъ Израиля. Отсюда кардинальный тезисъ будетъ гласить, что законъ есть начало рабское, поскольку онъ синайскій или по силѣ и формѣ своего историческаго обнаруженія въ качествѣ реального двигателя человѣческаго прогресса. Единственно съ этой стороны онъ и характеризуется въ анализируемомъ отрывкѣ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ намековъ на высшее обоснованіе съ его отрицаніемъ, ибо объ этомъ не были ни малѣйшей рѣчи. Все сосредоточивается на контрастѣ благодати, фактически дѣйствующей среди людей по воспріятію вѣры. Это реальный принципъ наличнаго строя, почему таковымъ будетъ и его антиподъ. Значить, Апостолъ совершенно не затрогиваетъ вопроса о первовиновникѣ и ничуть не допускаетъ, что онъ принадлежитъ къ сферѣ рабской космичности. Объ этомъ не упоминается, и всякія догадки тутъ будутъ субъективнымъ перетолкованіемъ, если благовѣстнику навязывается идея, будто законъ есть институтъ ангельскій ¹⁷⁹⁾ и происходитъ не

¹⁷⁹⁾ Такъ даже Prof. *Hermann Diels*, *Elementum. Eine Vorarbeit zum griechischen und lateinischen Thesaurus*. Lpzg 1899. S. 43. Prof. Lic *Arthur Titius*, *Die neutestamentliche Lehre von der Seligkeit und ihre Bedeutung für die Gegenwart. Der geschichtlichen Darstellung zweite Abtheilung: Der Paulinismus unter dem Gesichtspunkt der Seligkeit* (Tübingen Freiburg i. B. und Leipzig 1900), S. 186. По *Henry St. John Thackeray*, св. Павелъ раздѣлялъ современное вѣрованіе (*The Relation of St. Paul to Contemporary Jewish Thought*, p. 161), что законъ данъ

отъ Бога ¹⁸⁰). Аналогія скорѣе даетъ обратное, поелику рабство Агари въ ея потомствѣ идетъ отъ союза ея со свободнымъ господиномъ. Это изображеніе ближе разъясняетъ и фактический сервиллизмъ номизма въ его историческомъ выраженіи. Замѣтимъ, что всѣ мысли неуклонно направляются къ послѣднему. Сначала завѣтъ сливается съ синайскою горой, какъ со своею матерью, а потомъ она отождествляется съ рабствующимъ нынѣшнимъ Іерусалимомъ, который всецѣло представляется въ его дѣтяхъ-рабахъ. Въ этомъ видѣ законъ исчерпывается жизненнымъ укладомъ іудейскаго теократическаго строя и вовсе не уничтожается по своему существу. Трактуются лишь о фактическомъ его воздѣйствіи. Но опять же и это служить точнымъ отзвукомъ качествъ самаго рожденія, гдѣ просто въ неизмѣнности сохраняются свойства источника. Объ нихъ мы обязаны думать по истекающимъ изъ него ручейкамъ,

былъ не прямо Богомъ (р. 74) и имѣть «лишь относительно божественное происхождение» (р. 75), почему связывается (въ Кол. II, 15) съ «началами и властями» (р. 152), хотя послѣднія не тождественны *στοιχεῖς τοῦ κόσμου* (какъ полагаетъ и Prof. Ad. Hilgenfeld еще, напр., въ «*Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie*» XIII [1870], 3, S. 238—240: *Der Gnosticismus und das Neue Testament*), а эти выражаютъ не физическое, но дидактическое значеніе элементарности (р. 165, 169; однако ср. у насъ въ книгѣ I-й, стрн. 690 сл.). Prof. A. Klöpffer приписываетъ Апостолу мысль объ ангелическомъ происхожденіи — по крайней мѣрѣ — преходящихъ законническихъ формъ въ отличіе отъ божественнаго существа и духа закона, сопоставляя это воззрѣніе съ аналогичными филоническими разграниченіями: *Zwei merkwürdige Aeusserungen des Apostels Paulus über die Genesis des Mosaischen Gesetzes* въ «*Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie*» XIII (1870), 1, S. 94—95 (ср. 96—104). 95. См. по этому вопросу въ книгѣ I-й на стрн. 707 сл.

¹⁸⁰) Rev. E. M. Geldart пытался даже навязать св. Апостолу Павлу такое нелѣпое мнѣніе, будто законъ дарованъ злыми демонами: *The Gospel according to Paul. An Essay on the Germs of the Doctrine of Atonement*. London 1884. P. 9—11. 18—20. 22. 26. 28. 46. 56. 57. 74. По мнѣнію Prof. D. Ferdinand'a Kattenbusch'a, у св. Павла допускается, что законъ данъ чрезъ элементарныхъ духовъ, совпадающихъ со *στοιχεῖς κόσμου* (*Das apostolische Symbol, seine Entstehung, sein geschichtlicher Sinn, seine ursprüngliche Stellung im Kultus und in der Theologie der Kirche. Ein Beitrag zur Symbolik und Dogmengeschichte. Zweiter Band: Verbreitung und Bedeutung des Taufsymbols*. Lpzg 1900. S. 626), которые, не будучи «специфически злыми силами» (II, S. 627), все же суть демоны (II, S. 641), но Мессія-Христосъ, бывший творцомъ ихъ наряду съ другими духовными существами (II, S. 690, ³⁴⁷ 671, ³⁶⁰), всѣхъ упразднилъ крестомъ своимъ (II, S. 626). См. и выше въ книгѣ I-й на стрн. 707, ¹⁰¹.

которые всегда бывают мутными по загрязненности своего родника. Тогда исторически происшедшій законъ будетъ воплощаться въ народѣ іудейскомъ, а этотъ чрезъ Синай уподобляется Агари. Въ такомъ случаѣ номистическое рабство будетъ параллельно агарянскому. Но второе условливалось общеніемъ свободнаго и рабыни съ приноравленіемъ къ ея уровню. Здѣсь низшее увлекаетъ высшее и омрачаетъ его природную чистоту. Посему и въ антитипѣ необходимо предполагается равное двойство съ одинаковымъ взаимоотношеніемъ. Такъ получаемъ, что завѣтъ синайскій въ реальномъ примѣненіи оказался рабскимъ по сочетанію своего верховнаго начала съ приниженною пассивностію, скрывавшею его цѣпями несамобытной космичности. Въ результатѣ имѣемъ, что законъ коренится въ свободной волѣ Небеснаго Отца, но только онъ не есть адекватное излученіе славы Божіей, ибо преломляется въ восприимлющей средѣ и окрашивается ея тонами. Въ этомъ видѣ Апостоль явно возвращается къ своему прежнему положенію, что номистическій институтъ не былъ плодомъ всецѣлой активности единаго Бога (Гал. III, 20)¹⁸¹⁾ и отличается характеромъ аккомодативности¹⁸²⁾. Къ сему нынѣ прибавляется, что этимъ питомцемъ, вызывавшимъ педагогическое снисхожденіе, былъ Израиль, и его плотное несовершенство повело къ рабской стихійности самой нормы. Она въ этомъ не виновна и чужда тѣней слабости или скудости, поелику фактическій характеръ зависѣлъ не отъ нея, а отъ другого коагента. Принципіально законничество возвышенно, ибо, страдая отъ соприкосновенія съ міромъ, оно должно превосходить его натурально. Въ этомъ св. Павелъ сходится съ іудаистами, и его незыблемою опорой служило авторитетное слово Писанія¹⁸³⁾. Всякіе упреки здѣсь напрасны и безпредметны, если догматическая природа законничества

¹⁸¹⁾ Напомнимъ здѣсь, что филоническія идеи посредничества Моисеева или ангельскаго привлекаются сюда (напр., у *Ph. F. Keerl*, *Die Apokryphenfrage... mit einem Anhang: Philo im Neuen Testament*, Lpzg 1855, S. 309) тѣмъ несправедливѣе, что—по сужденію египетскаго теософа—законъ прямо былъ данъ Моисеемъ безъ участія духовъ. См. въ книгѣ I-й на стрн. 706, 188.

¹⁸²⁾ Ср. выше въ книгѣ I-й на стрн. 198 и др.

¹⁸³⁾ Значить, и здѣсь не открывается мѣста для мысли, будто Апостоль Павелъ не различалъ строго законъ писанный отъ галахи, какъ допускаетъ и *P. Feine*, *Das gesetzesfreie Evangelium des Paulus*, S. 189: «Röm. 7,2.3 wird eine nicht alttestamentliche Bestimmung mit unter

ограждается даже въ неблагопріятномъ ея закрѣпленіи. Потому и оцѣнка послѣдняго будетъ не менѣе безпристрастною объективно. Она покоится на существѣ номизма, какъ договорнаго завѣта, въ коемъ двухсторонность необходимо влечетъ за собою примиряющую посредственность. Это самопонятно и обезпечиваетъ прочность всей апостольской аргументаціи по ея реальнымъ основаніямъ въ эссенціальномъ достоинствѣ всего учрежденія.

Ясно, что при разсмотрѣніи законничества благовѣстникъ всюду созидается на подлинныхъ данныхъ, и аллегорическій способъ только направляетъ по опредѣленному пути весь ходъ разсужденія, совсѣмъ не вліяя на его матеріаль. Тутъ нѣтъ и не требуется тенденціознаго перетолкованія. Но взглядъ на вѣру предрѣшается номистическими предпосылками и ограничивается положительнымъ констатированіемъ ея качествъ, логически неизбѣжныхъ по самой противности разобранному раньше. По этой причинѣ и въ этомъ анализѣ ожидается одинаково фактическое раскрытіе. Внимательное изысканіе незыблемо подтверждаетъ эту истину. Все дѣло въ томъ, что благодать награждаетъ свободою наслѣдничества, почему ей натурально принадлежать всѣ права на завѣтное сокровище съ привилегіею безпрепятственнаго доступа и безконтрольнаго пользованія. Вопреки ей законничество ведетъ къ рабству и столь же натурально устраняетъ отъ обѣтованныхъ благъ. Съ этой точки зрѣнія іудействующіе номисты будутъ агарянами, а возрожденные христіане уподобляются Исааку. Этотъ тезисъ звучитъ не меньшею рѣзкостью грубаго диссонанса въ гармоніи сѣновной педагогіи, которая замыкалась въ сѣмени Авраамовомъ и сообщала ему преимущества обѣтованныхъ чадъ Божіихъ. Предъ нами какъ будто новое извращеніе естественнаго порядка вещей, и критика спѣшитъ употребить его въ своихъ цѣляхъ, чтобы изобразить св. Павла несдержаннымъ аллегористомъ, далеко превосходящимъ Филона по искусственной натянутости экзегетическихъ экспериментовъ. „Апостолъ (будто бы) совсѣмъ оставляетъ безъ вниманія, какъ мало подходитъ вся послѣдующая исторія обоихъ сыновей Авраамовыхъ къ аллегорическому толкованію, которое

„das Gesetz“ begriffen. Das ist nicht auffällig bei dem gewesenen Pharisäer, der den Unterschied zwischen dem geschriebenen Gesetz und der Halacha übersah.

онъ усволяетъ имъ. Измаиль является представителемъ закона, между тѣмъ все Моисеево законодательство совершенно не касается дѣтей Измаиловыхъ: они вполнѣ свободны отъ закона. Напротивъ, послѣдній данъ единственно для потомковъ Исаака, изображающаго собою (христіанскій) завѣтъ свободы, и относящееся къ Исааку обѣтованіе, по которому онъ рисуется прототипомъ христіанъ—въ качествѣ τέκνα ἐπαγγελίας, должно было получаться лишь чрезъ посредство обрѣзанія, закона Моисеева и всего, связаннаго съ нимъ, теократическо-религіознаго устройства. Все, что Апостоль желаетъ экзегетически вывести здѣсь аллегорическимъ способомъ изъ В. З., не только не имѣетъ въ самомъ В. З. объективно-истиннаго основанія, но находится въ прямомъ противорѣчій съ нимъ¹⁸⁴⁾. Тогда весь „аргументъ (—если онъ заслуживаетъ этого имени—) будетъ фантастическимъ и ниспровергается взятыми фактами, ибо отцемъ іудеевъ въ дѣйствительности былъ Исаакъ, и законъ идетъ отъ него, а не отъ потомковъ Измаила. Съ другой стороны Измаиль, будучи родоначальникомъ части язычества, весьма удобно могъ быть почитаемъ образцомъ всей массы“¹⁸⁵⁾. У благовѣстника порядокъ обратный и наружно не соответствующій подлинной исторіи¹⁸⁶⁾. Но она собственно не комментируется и просто примѣняется для характеристики высшихъ отношеній. По этимъ соображеніямъ обыкновенно отвѣчаютъ, что всякое сравненіе не простирается дальше общихъ указаній и не требуетъ детальнаго уподобленія, почему и въ разсматриваемомъ случаѣ играетъ роль примѣрной иллюстраціи. Однако такое воззрѣніе не оправдывается текстомъ, гдѣ вся рѣчь проникнута догматическою серьезностію фактическаго библейскаго раскрытія по смыслу самого Писанія. Затѣмъ, непонятенъ и ходъ аккомодативнаго приложенія, разрѣшающагося странною несогласованностію, хотя легко было избѣгнуть ея при удержаніи ветхозавѣтнаго по-

¹⁸⁴⁾ *Ferd. Chr. Baur*, Paulus II², S. 311—312.

¹⁸⁵⁾ *S. Baring-Gould*, A Study of St. Paul, p. 326.

¹⁸⁶⁾ Ср. и *Eug. Hühn*, Die messianischen Weissagungen des israelitisch-jüdischen Volkes II, S. 279: «Was die sachliche Verwertung des A. T. betrifft, so kann nicht in Abrede gestellt werden, dass, historisch-kritisch betrachtet, der Grundtext sehr häufig (auch bei Paulus) nicht in seinem eigentlichen Sinne verwertet wird. Man achte z. B. auf Gal. 4:24—30, wonach dem Paulus die Juden, welche am Gesetze festhalten, nicht Nachkommen der Sara, sondern der Hagar sind».

вѣствованія во всей его цѣлостности. Для намѣреній Галаційскаго посланія достаточно было ограничиться удостовѣреніемъ, что Исаакиты-номисты пребываютъ въ рабствѣ и потому не могутъ быть предметомъ подражанія, поелику всѣ стремятся къ свободѣ. Наконецъ, крайне не ясно, что спеціальнаго отмѣчается избранною параллелью, коль скоро она для дѣла непригодна и больше затемняетъ его. По всему несомнѣнно, что библейскія лица въ своемъ фактическомъ бытіи ничуть не знаменовали собою двухъ завѣтовъ и не были собственно типами, какъ это констатировано и выше ¹⁸⁷). По этой причинѣ ихъ дидактическая важность не въ нихъ самихъ, а въ томъ, что они воплощали.

При такомъ взглядѣ уже не трудно опредѣлить ближайшія свойства, которыя исключительно интересны въ Измаилѣ и Исаакѣ и потребны для апостольскихъ цѣлей. Все осложненіе іудаистическаго смутянства держалось на немногихъ принципиальныхъ предпосылкахъ. Вожди его не отрицали прямо достоинствъ христіанской благодати и только старались сохранить при ней законъ въ его сотериологическомъ вліяніи. Наряду съ этимъ выдвигалась и мотивирующее убѣжденіе, что благодатное искупленіе есть прежде всего реализація обѣтованія Авраамова. Пусть новое выше стараго и развивается унаслѣдованное благо въ дальнѣйшемъ процессѣ прогрессивнаго приращенія. При всемъ томъ это лишь продолженіе и усиленіе, которыя невозможны безъ своего фактическаго начала въ завѣтномъ оправданіи. Тогда и вся задача будетъ въ условіяхъ полученія послѣдняго, а тутъ безспорно, что оно было родовымъ достояніемъ патріарха и приобрѣтается по праву кровнаго родства. Юридическимъ запечатлѣніемъ этой связи и главнѣйшею гарантіей ея былъ законъ, обеспечивавшій плотское сопричастіе къ сѣмени Авраамову съ легальными полномочіями на его сокровища. Посему номизмъ необходимъ для прочности существованія самого христіанства и абсолютно обязателенъ для язычниковъ, если они въ своемъ спасеніи желаютъ быть общниками наслѣдія Божія

¹⁸⁷) Ср. на стрн. 574, 158 и еще ниже на стрн. 600 и др. Посему въ этомъ смыслѣ недостаточно сужденіе тѣхъ, которые говорятъ, что здѣсь Апостолъ Павелъ «выходитъ изъ типологическаго объясненія исторіи Агари и Сарры», а «къ высокимъ христіанскимъ истинамъ приходитъ чрезъ свою типологію»: о. П. И. Соколовъ, *Исторія ветхозавѣтныхъ писаній въ христіанской Церкви*, стрн. 45, 46.

въ Израилѣ. Ясно, что у іудаистовъ законничество рисуется, какъ необходимое и универсальное средство для натурального общенія съ чадами Авраамовыми, а этотъ союзъ считается единственнымъ путемъ къ божественному достоянію великаго праотца. Въ этомъ весь центръ тяжести іудаистической логики. Защищая непрерывность верховнаго промысленія въ домостроительствѣ ветхомъ и новомъ, она категорически утверждала, что обѣтованіе получается на основаніи плотскихъ прерогативъ, даруемыхъ закономъ. Отсюда естественно формулируется вопросъ, истинна ли столь неразрывная комбинація этихъ двухъ моментовъ до такой степени, что каждый изъ нихъ немислимъ фактически безъ другого, и отсутствіе одного устраняетъ реальное бытіе второго?

При положительномъ отвѣтѣ мы должны ожидать наличности отмѣченнаго спѣвленія въ собственной семьѣ Авраама съ предуказаніемъ его дѣйствія въ грядущихъ поколѣніяхъ чрезъ номистическій институтъ. Этимъ опять свидѣлствуется, что историческій эпизодъ занимаетъ Апостола не по случайнымъ мотивамъ полемики или апологетики и анализируется съ идейной стороны. Въ этомъ именно отношеніи частное событіе минувшаго прототипически-характерно. Оно совершилось въ кругѣ непосредственной активности первичнаго воспріемника и источника поручителя благословенія Божія и потому предназначаетъ объективные способы къ его приобрѣтенію. Все идетъ отъ Авраама и, слѣдовательно, все предрѣшается имъ, исполняется въ его духѣ и по его примѣру. Что же мы видимъ у него? Здѣсь прежде всего выступаетъ плоть съ безызъятнымъ самодержавіемъ господствующаго фактора. Она служитъ главнѣйшимъ импульсомъ начинанія и фактическимъ залогомъ конечнаго успѣха. Ея усилія не остаются безплодными, но вся бѣда въ томъ, что этотъ результатъ не отличается самобытностію и носить свойства своего производителя. Св. Павелъ и подчеркиваетъ энергичными логическими удареніями, что только тотъ, „который отъ рабы, рожденъ по плоти“, при ея преобладающемъ вліяніи. Значить, чистая плотность нерасторжима отъ рабства и всего менѣе способна къ созданію юридической правомощности въ сферѣ наслѣдничества. Наоборотъ, Исаакъ является на свѣтъ въ силу обѣтованія, оживившаго дряхлѣющій организмъ, а этотъ сынъ происходитъ отъ полноправной супруги и усвоитъ ея прерогативы на имущество мужа.

И Апостолъ снова отѣняетъ съ рельефностію, что обѣтованный необходимо бываетъ и свободнымъ. Отсюда является противный тезисъ, что привилегіи свободного и безпрепятственнаго наслѣдованія даруются лишь по обѣтованію. Понимаемое въ смыслѣ юридическомъ (права на вещь) и матеріальномъ (или самого предмета), оно совокупляетъ оба въ практическомъ обнаруженіи, когда условливающее гарантируетъ достиженіе условливаемаго. Въ этомъ достоинствѣ самое обѣтованіе пріобрѣтается по обѣтованію, по юридической его качественности, а она не зависитъ отъ плоти, которая сопровождается рабскою некомпетентностію, между тѣмъ обязательно требуется свободная авторитетность. Итакъ: порабощающая плотность устраняетъ отъ завѣщанныхъ благъ, и они будутъ собственностію обѣтованной свободы.

Ясно, что іудаистическая теорія абсолютно непримѣнима къ самому источнику и потому не подтверждается продолженіемъ. Таковымъ именно почитается ветхозавѣтный законъ, поелику имъ вызываются и поддерживаются юридическія притязанія. Но тутъ и важно точное опредѣленіе качествъ послѣднихъ по найденному масштабу. Въ этомъ пунктѣ благовѣстникъ былъ солидаренъ со своими оппонентами и не нуждался въ субъективной изобрѣтательности. Они категорически высказывали, что обладаютъ номистистическими претензіями по своей кровной связи съ Авраамомъ. Законъ былъ для нихъ освященною и неоспоримою печатію плотского родства, которымъ всецѣло поддерживается и все наслѣдничество. Юридическое сливалось съ плотскимъ и исчерпывалось въ немъ. Посему и номистическое подчиненіе язычниковъ должно было собственно вводить ихъ въ (фиктивно-)натуральный союзъ съ Израилемъ, чтобы изъ него уже почерпать реальные права. Юридическій моментъ бываетъ вторичнымъ и покоится на фактѣ плотскихъ преимуществъ. Несомнѣнно теперь, что въ глазахъ іудаистовъ законъ былъ институтомъ плотского обезпеченія и пропитывался плотностію. Тогда его сходство съ Агарью было самоочевидно безъ всякихъ обоснованій. Апостолу оставалось только освѣтить эту сторону приспособительно къ задачамъ всего разсужденія и по требованіямъ аналогіи. Въ ней же незыблемы двѣ черты, что 1) неприимѣсная плотность выражается въ рабствѣ и 2) предполагаетъ натуральную рабу. Эти соображенія направляли къ разсмотрѣнію закона по его существу и дѣйствию. Но въ

первомъ отношеніи всѣми признается, что онъ беретъ свое историческое начало отъ горы Синая и при ней является съ активною жизненностію педагогическаго учрежденія, соотвѣтствующаго уровню космически-плотнаго народа израильскаго. Какъ данный отъ Синая или во внѣшнемъ обнаруженіи въ качествѣ національнаго института ветхозавѣтной экономіи, законъ Моисеевъ въ своихъ функціяхъ оказывается слабымъ и, —будучи святымъ, праведнымъ и благимъ по своей божественной идеѣ,—фактически бываетъ поработщающею силой грѣха. Слова ἀπὸ ὄρους Σινᾶ характеризуютъ его съ момента активного выступленія среди людей съ достоинствомъ реальнаго фактора и для него будутъ самою точною квалификаціей. Поэтому въ нихъ содержится и опора для постиженія феноменальной природы номизма. А тутъ достовѣрно, что гора Синай находится въ рабской Аравіи и—въ смыслѣ номистической матери—будетъ рабыней. Въ параллель Агари, ея плодъ долженъ быть измаильски-рабскимъ. Это второй предикатъ, и онъ столь же незыблемъ. Вся номистическая энергія сосредоточивается въ нынѣшнемъ Іерусалимѣ книжничества и легализма. Здѣсь законъ всецѣло воплощается въ своемъ потомствѣ и исчерпывается вполнѣ. Но этотъ Іерусалимъ рабствуетъ фактически. При семъ достойно особаго вниманія, что такое положеніе не случайно, хотя бы и было временно-спорадическимъ. Напротивъ, оно принципиально неизбежно, и это съ отчетливостію видно на судьбѣ дѣтей. Они рабствуютъ по самому своему происхожденію отъ номистическаго Іерусалима и несутъ позорное иго за прирожденное званіе іерусалимлянъ-іудеевъ. Ясно, что это рабство натуральное не менѣе, чѣмъ въ Измаилѣ. Теперь прототипическое уподобленіе сразу бросается въ глаза и уполномочиваетъ на сходное заключеніе. Въ сынѣ наложницы его участь созидалась плотскимъ верховенствомъ, почему и въ отобразѣ главнѣйшею будетъ плотяность, принижающая исконную чистоту. По этому предмету одинаково незыблемо (Рим. VIII, 3), что фактическая немощь закона условливалась плотію (τὸ ἀδύνατον τοῦ νόμου, ἐν ᾧ ἡσθένει—ὁ νόμος—διὰ τῆς σαρκός), какъ орудно-посредствующею причиной. Тутъ для насъ открывается внутреннее основаніе номистической поработительности въ гармоническомъ соотвѣтствіи съ отдаленнымъ предвареніемъ въ исторіи Авраама. Въ результатѣ имѣемъ уступительную формулу, что законничество, дѣйствительно, создаетъ плотское

родство, но оно агарянское, ибо неотвратимо влечетъ рабство. Для наслѣдничества это совершенно отрицательная инстанція, и ея роковая тягота засвидѣтельствована Измаиломъ, поелику онъ былъ изгнанъ изъ дома и лишенъ всякаго соучастія въ достояніи праотца. Слѣдовательно, кровная родственность ничуть не гарантируетъ полученія наслѣдства и—при своей исключительности—рѣшительно устраняетъ отъ него: *не вси бо сущіи отъ Израиля, сіи Израиль; ни зане суть сѣмя, вси чада* (Рим. IX, 6—7).

Притязанія іудаистовъ разсыпаются въ прахъ и обращаются на нихъ самихъ. Плотская горделивость ихъ ведетъ къ агарянскому поруганію и отнимаетъ у нихъ то, чего они думаютъ добиться въ безызытное пользованіе. Однако этотъ итогъ получается совсѣмъ не чрезъ отождествленіе ихъ съ Измаилитами. Апостолъ ведетъ свою аллегорическую рѣчь въ діаметрально-противномъ тонѣ. Онъ со всею твердостію допускаетъ, что іудеи стоятъ въ прямой плотской связи съ Авраамомъ. Къ этому у него присоединяется еще новое плотское усиленіе ея въ плотяномъ законѣ, приспособленномъ для сыновъ Израиля и функционировавшемъ среди нихъ. Это, — можно сказать, — плотское родство вдвойнѣ или сугубое, будучи и натуральнымъ качествомъ и юридическою привилегіей. Здѣсь, повидимому, содержалось все нужное для наслѣдованія, если право кровнаго родства санкціонировалось легально. При всемъ томъ второе по своему существу просто удостоверяетъ первое и въ концѣ концовъ фактически сводится къ плотяности, которую запечатлѣваетъ (въ обрѣзаніи) либо создаетъ фиктивно (путемъ прозелитизма). Всюду доминирующею стихіей служить плоть, и вопросъ о способахъ къ пріобрѣтенію обѣтованія сводится къ опредѣленію ея роли въ полученіи отеческаго наслѣдія. Въ этомъ отношеніи исторія Измаила и свидѣлствуетъ своимъ скорбнымъ предостереженіемъ, что плотяность сопровождается только удаленіемъ изъ-подъ родительскаго крова, почему это неизбежно и для плотянаго номизма. Значитъ, сынъ рабыни бываетъ прототипическимъ для іудейскаго законничества и для номистическаго іудейства единственно со стороны юридическаго обезпеченія наслѣдничества. Не законъ самъ по себѣ и не по своему истинно телеологическому достоинству, а лишь въ смыслѣ іудейско-сотеціологическаго института предначертывается въ Измаилѣ, съ которымъ онъ совпадаетъ тутъ до точности. Законничество

характеризуется по степени своего успѣха въ доставленіи благъ обѣтованія. Послѣднее приравняется къ наслѣдству и требуетъ адекватнаго сочетанія моментовъ, необходимыхъ для состоятельности юридическихъ претензій. Въ номистической сферѣ таковы агарянская плотность и измаилитское рабство, а эта именно комбинація встрѣчается въ ближайшемъ потомствѣ Авраамовомъ въ полномъ развитіи. Естественно, что оба ряда сближаются между собою, и въ лѣтописяхъ одного мы читаемъ неложное пророчество о другомъ.

Ясно, что сопоставленіе безусловно натуральное, нимало не нарушающее реальной самобытности взятыхъ фактовъ. Они генетически родственны не по матеріальному тождеству, но только въ той мѣрѣ, въ какой въ нихъ господствуютъ равныя силы съ соотвѣствующимъ завершительнымъ эффектомъ. Тогда и законъ уподобляется просто по своей оправдывающей немощности, а это горькій опытъ апостольскаго вѣка и неотразимая очевидность всего дальнѣйшаго теченія до нашихъ дней. Находить въ этомъ извращеніе позволительно развѣ при іудаистическомъ ослѣпленіи, не рѣдко поражающемъ критику, которая должна бы допустить, что іудейское отпаденіе нормально, и потомки Авраамовы доселѣ сохраняютъ права Исаака. Для Апостола же и для всякаго безпристрастнаго наблюдателя несомнѣнно до болѣзненной неотразимости, что они исторически утратили ихъ и могутъ возвратитъ лишь чрезъ номистическое самоотреченіе. Израильтяне, будучи по крови Исаакитами, фактически оказались Агарянами и, разумѣется, потому, что подражали не своему свободному предку, а его рабскому сопернику. Благородная родовитость поправа ими и стала ихъ губительнымъ врагомъ въ самыхъ юридическихъ преимуществахъ. Они гарантировались закономъ, и онъ былъ знаменіемъ свободнаго наслѣдованія по происхожденію отъ Сарры. При немъ было обязательно детальное усвоеніе наслѣдническихъ энергій родоначальника, гдѣ все покоилось на обѣтованіи. Между тѣмъ номистическое іудейство старалось все утвердить на чистой плотности и принизило синайскій институтъ, сдѣлавъ его вседowlѣющимъ и исключительнымъ источникомъ обладанія благами. Кровная принадлежность къ наслѣдственной семьѣ насильственно сливалась съ юридически безспорнымъ полученіемъ родового богатства. Это совсѣмъ не одно и тоже, почему синайское уложеніе потеряло свою пропедевтическую дѣйственность и въ искусственномъ преувеличеніи пріобрѣло

роковое свойство устраненія отъ благъ по своей юридической непригодности для награжденія всѣми договоренными прерогативами. Отсюда фатальная дилемма: *или отъ закона наслѣдіе, или къ тому отъ обѣтованія*; Аврааму же обѣтованіемъ дарова Богъ (Гал. III, 18). Слѣдовательно, вина самого Израиля, что онъ лишенъ утѣхи израилевой и, *имѣя законъ правды, въ законъ правды не постиже* (Рим. IX, 31). Поэтому номистическая неспособность есть результатъ неправильнаго примѣненія орудія для несоотвѣтственныхъ цѣлей, гдѣ нужна была обѣтованная свобода, подаваемая законническимъ разрѣшеніемъ во Христѣ (Рим. X, 4). Тогда законъ будетъ величиною страдательной и—вопреки своему намѣренію—проникается агарянскими стихіями плотяной неправоиспособности. Тутъ онъ воспроизводитъ въ себѣ Измаила по своей сотериологической безуспѣшности, навязанной ему іудейскимъ обращеніемъ плотскаго самоублаженія и кровнаго превозношенія. Извращенность богоучрежденнаго порядка всецѣло падаетъ на іудаизмъ и ничуть не на Апостола. Благовѣстникъ просто констатируетъ печальный опытъ пагубнаго агарянства въ номизмѣ, но подчеркиваетъ, что это не колеблетъ плановъ божественныхъ не менѣе, чѣмъ и въ самомъ законѣ, явившемся силою грѣха по причинѣ предусмотрѣннаго его «приложенія» (Гал. III, 19). Равнымъ образомъ и въ томъ случаѣ іудейство къ своему несчастію только повторило исторію Измаила, которому преступно уподобилось. Такое тожество создано настоящимъ и само напросилось на непріятное родство въ мрачномъ прошломъ, хотя, отражаясь въ копіи, послѣднее совсѣмъ не предуготовляло ее своимъ бытіемъ. Оно не было типомъ, а лишь типически воспроизводится въ настоящемъ, для котораго, конечно, и бываетъ преуказующимъ образомъ. Агарянство законничества іерусалимскихъ книжниковъ и фарисеевъ не измышляется св. Павломъ и не привлекается искусственно, ибо содержится со всею реальностію въ фактѣ агарянствующаго номизма, воспринявшаго плотяность и рабство Измаила. Сынъ служанки предзнамечуется въ наличномъ и потому предзнаменуетъ его, но единственно въ этомъ іудаистическомъ злоупотребленіи синайскимъ завѣтомъ. Это былъ дѣтководитель къ приобрѣтенію юридической компетентности на обѣтованіе Исаака, а іудаизмъ отнялъ у него естественно-педагогическую способность,—и фактически оказалась безспорною страшная аномалія, что при своемъ примѣ-

неніи законъ синайскій сопровождается агарянскимъ отверженіемъ. Благовѣстникъ и констатируетъ эту прискорбную дѣйствительность, не прибавляя отъ себя ни малѣйшихъ звуковъ въ аллегорическомъ раскрытіи. Посему его и нельзя обвинять въ тенденціозномъ поруганіи исторической правды, если у него свидѣлствуется то, что предъ глазами у всѣхъ, какъ агарянствуетъ Израиль въ своемъ номистическомъ вырожденіи.

Мы видимъ теперь, что у Апостола сближается явленіе, которое фактически близко ветхозавѣтному эпизоду по своему внутреннему достоинству, по принципиально-идейному содержанию. Ихъ тѣсное соотношеніе зиждется не на внѣшнихъ аналогіяхъ и не на историческомъ преемствѣ генетической послѣдовательности, но на одушевляющихъ началахъ реального бытія ¹⁸⁸). Въ такомъ случаѣ и Измаиль былъ прообразомъ законничества и іудейства совсѣмъ не въ своей обыкновенной личности, а по обнаруженнымъ въ ней высшимъ факторамъ устройства обѣтованнаго спасенія. Въ этомъ смыслѣ онъ, по истинѣ, былъ и остается аллегорически-предзнаменующимъ, поелику въ немъ воплощались неизмѣнныя нормы божественнаго промысленія. Сомнѣваться въ этомъ невозможно по существу библейскаго событія. Достаточно припомнить немногія подробности. Бездѣтность приводитъ Авраама къ неутѣшительному убѣжденію, что продолжателемъ рода будетъ домочадецъ. Господь съ рѣшительною непреклонностію отвергаетъ это, говоря, что прямой потомокъ отъ чреслъ патріарха будетъ обладателемъ земли въ своемъ безчисленномъ сѣмени (Быт. XV, 2 сл.). Затѣмъ—по совѣту Сарры—берется Агарь и она зачинаетъ. Казалось бы, будущій младенецъ и долженъ былъ унаслѣдовать отцу, но вышло иное: рабыня удаляется изъ дома и принимается опять лишь по особому снисхожденію (Быт. XVI, 6 сл.). Это громко свидѣтельствовало, что положеніе матери далеко непрочно. Правда, Измаиль признается сыномъ Авраамовымъ (XVI, 15), однако Богъ снова увѣряетъ, что—вопреки всякимъ человѣческимъ расчетамъ—Сарра будетъ имѣть плодъ (XVII, 16 сл.). Тогда было до-

¹⁸⁸) Съ этой стороны справедливо замѣчаніе *Cr. H. Toy* (Quotations in the New Testament, p. 194), что «въ рассказъ книги Бытія Сарра и Агарь представляютъ вѣру въ Бога и ея отсутствіе». Ср. и *Franklin Johnson*, The Quotations of the New Testament from the Old, p. 120.

пустимо, что родившійся отъ наложницы, по крайней мѣрѣ, получить нѣкоторую долю наряду съ первенцемъ законной жены. Снова полнѣйшее разочарованіе: Измаиль изгоняется навсегда съ устраненіемъ минимальнаго соучастія въ наслѣдствѣ, потому что оно есть исключительная собственность Исаака (XXI, 10. 12). Всѣ частности складывались здѣсь такъ, что Агарянинъ представлялся ближайшимъ и безспорнымъ носителемъ обѣтованія, хотя бы и въ соподчиненной роли. При всемъ томъ эти ожиданія рассыпались въ прахъ, и отсюда необходимо вытекаетъ, что для ихъ реализаціи не было потребныхъ данныхъ, наличныя же не соотвѣтствовали условіямъ. Ясно поэтому, что вызвавшіе Измаила и закрѣпленные въ немъ принципы, дѣйствительно, не пригодны для наслѣдничества. Но послѣднее связывалось съ обѣтованіемъ и неизбѣжно бываетъ характернымъ для него. Коль скоро все это устроилось божественною волей,—значить, тутъ не простая житейская случайность, и мы обязаны усматривать въ этомъ точное отраженіе неизблемыхъ плановъ водительства небеснаго, тождественнаго себѣ во всѣхъ историческихъ модификаціяхъ. Въ нихъ ранѣйшій моментъ необходимо предудказываетъ всѣ дальнѣйшіе, гдѣ встрѣчается равное сочетаніе прежнихъ элементовъ. Разъ они замѣчены въ іудейскомъ номизмѣ,—это и будетъ подобнымъ своему библейскому прецеденту въ Измаиль. Ихъ типическое соотвѣтствіе коренится въ идейной сущности по единству ея въ божественномъ первоисточникѣ.

Добытый нами результатъ опять подтверждается и освѣщается съ догматической стороны. У насъ будетъ сопоставленіе двухъ явленій по общности созидających основаній и движущихъ мотивовъ. Предъ ними всѣ варіаціи бываютъ лишь механическими повтореніями. Само собою понятно, что при этомъ реальность вторичныхъ копій гарантируетъ такое свойство и во всѣхъ предыдущихъ, а исходная будетъ своего рода оригиналомъ. Этимъ неизбѣжно удостовѣряется, что исторія Измаила есть подлинное событіе прошлаго и важна именно по своей несомнѣнности для уразумѣнія открытыхъ въ ней путей Божіихъ. Но въ оцѣнкѣ іерусалимскаго законничества Апостолъ опирался на фактическихъ наблюденійхъ, и его аллегорія будетъ заключеніемъ отъ факта къ факту. Они, конечно, раздѣлены и хронологически и по внѣшнимъ индивидуальнымъ особенностямъ, какъ два строго очерченные предмета извѣстнаго времени въ занимаемомъ

ими пространствѣ. Посему ихъ роднить сила внутренней солидарности по эссенціальнымъ стихіямъ, кроющимся подъ наружною оболочкой несовмѣстимой осязательности. За нею мы находимъ тождественную комбинацію регулирующихъ факторовъ и по случившемуся вынуждаемся судить о бывающемъ, въ которомъ оно отражается. Первое оказывается и фактическимъ предтечею и пророческимъ предвѣстникомъ второго. По всему этому Измаиль безспорно былъ прообразомъ завѣта синайскаго, оплотняившагося въ іерусалимскомъ номизмѣ.

Н. Глубоковскій.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки